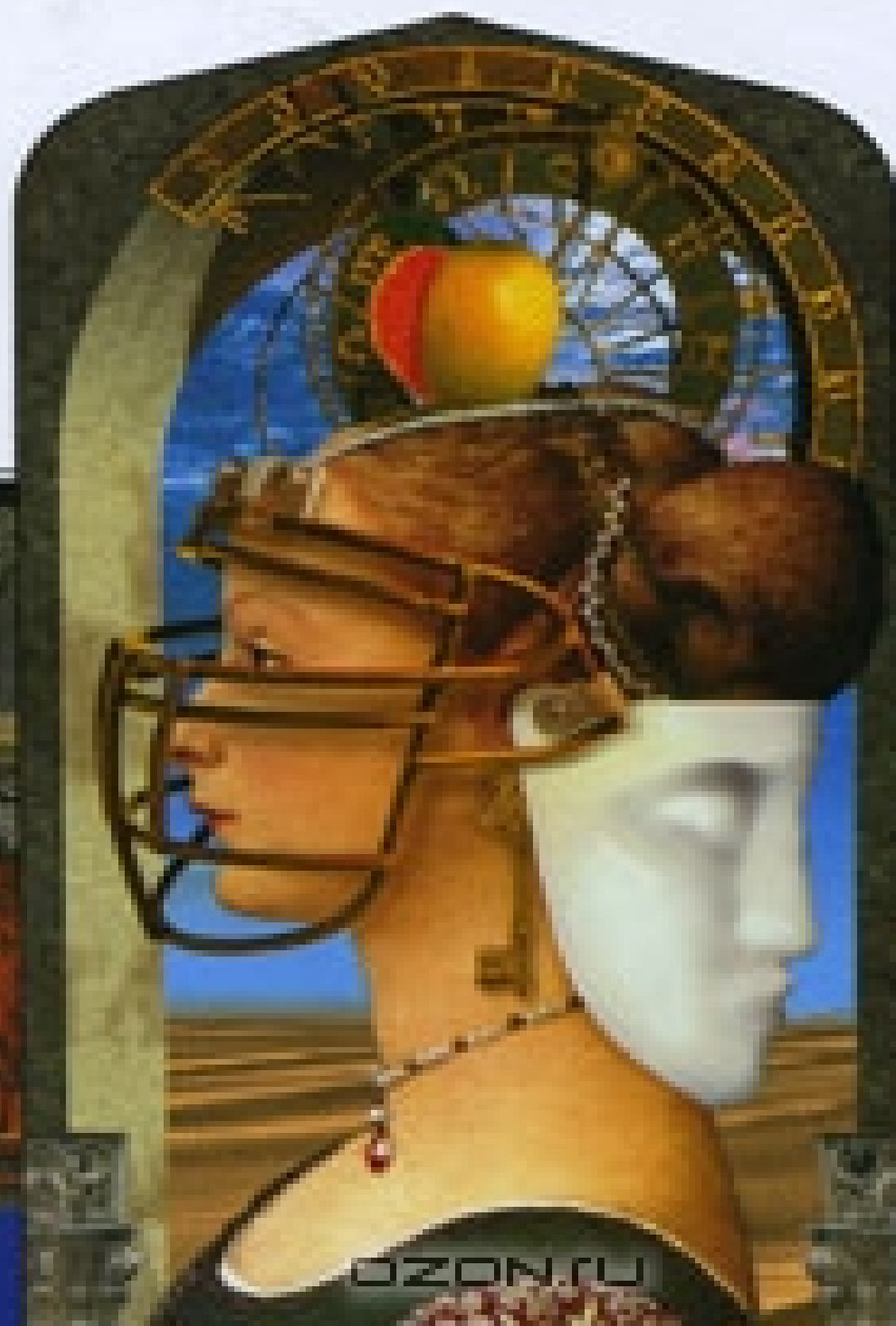

Авессалом Подводный

Знаки на пути

Авессалом Подводный

Серия «Трактаты»

Трактат 1

ЗНАКИ НА ПУТИ

Мыслитель не
говорит ничего
нового.
Он несколько по-
иному расставляет
акценты.

Вступление

Законы природы обязательны для всех. Независимо от того, знаете вы закон тяготения или нет, поскользнувшись, вы падаете. Последнее обстоятельство известно давно, задолго до того, как оно получило надлежащую интерпретацию в форме закона тяготения Ньютона.

В этом трактате речь пойдет о духовном росте человека. Закон духовного роста играет в жизни человечества не меньшую роль, чем закон тяготения, хотя часто его проявления рассматриваются как случайности или как следствия совершенно других законов. Автор, однако, не ставил себе задачи рассмотрения данного закона как такового; его цель несколько иная. Именно, главной темой трактата являются знаки, появляющиеся на духовном пути человека, как положительные, свидетельствующие о духовном росте, так и отрицательные, знаки падения (о последнем, впрочем, можно говорить лишь условно).

Актуальность

Свами Вивекананда в своей «Практической Веданте» пишет, что религия должна быть практичной, то есть доступной в качестве руководства в повседневной жизни. К сожалению, философия, религия и этика европейской школы отнюдь не ставят себе подобных задач. Утверждения типа «Ну, это уже философия» и «Все это очень хорошо, но у жизни свои законы» делаются людьми с развитым

абстрактным мышлением и вполне моральными с любой точки зрения.

С другой стороны, имеется несколько «вечных» тем и проблем (любовь, смысл жизни, взаимопонимание и т. д.), которые возникают в обыденной жизни и порой очень сильно отравляют эту самую жизнь. Однако только очень молодые и наивные личности пишут о своих трудностях в газету в надежде, что ученые и специалисты научат их, как поступать. Обычно за советом обращаются к лицам, умудренным жизненным опытом, и эти последние действительно дают совет. Он основан на богатом опыте и грамотен в смысле Д. Карнеги, то есть учитывает то обстоятельство, что никого перевоспитать или убедить в чем-либо нельзя, и надо не злиться и ругаться, а улыбаться и льстить. Маленькая неприятность заключается в том, что, последовав подобным советам, можно действительно решить данную конкретную проблему, но она вскоре вернется в еще, быть может, менее приятном виде.

Что же до дипломированных специалистов — философов, социологов, психологов, психотерапевтов, писателей, то они, как правило, выскажут несколько известных со школьных времен истин, слегка пожурят, что нужно быть добрее (а как?) и больше любить людей вообще (за что, собственно?) и близких в частности (тебе бы таких близких, небось не то бы запел!), и добавят в заключение: «А впрочем, в таких делах рецептов нет, делайте как знаете, Бог (или коллектив) вам судья».

Получается, что философия, религия, этика суть вещи, может быть, достойные сами по себе, но к жизни неприменимые. Есть, однако, надежда, что это не так, а просто не хватает промежуточного звена между теорией и практикой, и в таком случае его надо искать. Автор полагает, что дело именно в этом: религий, философий и этических систем имеется вполне достаточное количество, но слишком мало внимания уделяется вопросам интерпретации, то есть тому, как высшие законы Бытия преломляются в обыденной жизни и каким образом они воздействуют на мир и индивидуальное и общественное сознание и подсознание. Об этом и пойдет речь в трактате.

Стимулы и цели

Главным стимулом создания этого трактата было желание автора разобраться в собственных мыслях. Для этого показалось полезным (если не необходимым) их записать. Однако, как только возник текст, сразу появился идеальный образ Читателя, который стал накладывать на текст определенные ограничения, в результате чего окончательный вариант трактата явился итогом совместного творчества автора и Читателя. По ходу дела у Читателя выявились определенные черты личности и уровень познаний. Оказалось, что его давно волнуют общие проблемы бытия: цель и смысл жизни, мораль, религия, философия; он читал кое-что из западной философии, кое-что из восточной, слышал о карме и перевоплощениях. У него есть смутное ощущение осмысленности личной судьбы, которое он не может выразить словами. По всем интересующим его вопросам Читатель, как говорят англичане, держит ум открытым, то есть не отвергает новую для него точку зрения только потому, что она не совпадает с ему известными или даже противоречит им. Инстинктивно он объективный идеалист, то есть верит в существование объективного высшего начала, которое, впрочем, плохо себе представляет; вместе с тем порою ощущает себя как микрокосм, Вселенную в миниатюре.

По поводу содержания трактата автор должен сказать следующее. Он ни в коем случае не имеет в виду, что мысли, изложенные здесь, единственно верные. И уж меньше всего он хочет Читателя в чем-то убедить. Цель автора совершенно иная: некоторые наблюдения и мысли *предложить вниманию* Читателя. И если последний внимательно прочтет эти глубокомысленные страницы, цель автора будет полностью достигнута.

Философия Веданты

Настоящий трактат написан в духе философии Веданты и в какой-то мере является ее продолжением. Не ставя себе задачи изложения этой великой философии, автор по личной просьбе Читателя все же скажет по ее поводу несколько слов.

Основная роль в трактате отводится закону кармы. Каждый человек имеет бессмертную душу, которая, подчиняясь этому закону, перевоплощается, меняя физические оболочки (тела), и постепенно поднимается навстречу Абсолюту, частью которого когда-то была, и в конце концов сливается с ним. Это и есть карма (религиозная судьба); наша (земная) интерпретация этого процесса называется духовным ростом. При этом надо иметь в виду следующее.

Во-первых, путей духовного роста (путей достижения) много. Йога среди главных путей рассматривает бхакти-йогу (богопочитание), джнани-йогу (познание мира), карма-йогу (труд без привязанности к результатам), раджа-йогу (концентрация), тантра-йогу (непосредственно-чувственное познание) и др. Различные пути йоги, будучи относительно автономными, не исключают друг друга.

Во-вторых, на пути духовного роста человек обязательно должен проявлять свободу воли. Этот путь не предопределен; имеется лишь, так сказать, общее направление пути, а конкретную траекторию человек выбирает сам (хотя часто неосознанно). Однако, чем выше духовный уровень, тем более определенным становится направление дальнейшего духовного пути (внешние ограничения становятся более жесткими) и тем труднее по нему идти.

В третьих, наказание за отступление от кармы (проявляющееся в ее отягощении) носит не личный характер, поскольку закон кармы — проявление безличного Абсолюта (другими словами, закон кармы следует рассматривать как закон природы, а не как действие личного антропоморфного Бога). Отступление от кармы, снижение духовного уровня обычно выражаются в поступках, характеризующихся как дурные (для данного человека), но отнюдь к ним не сводятся. (Например, снижение духовного уровня у И. Обломова не сопровождалось никакими поступками в общепринятом смысле). И соответственно наказание следует не за дурные поступки, а за снижение духовного уровня по сравнению с предусмотренным кармой.

Закон кармы также называют законом причин и следствий. Он связывает личные кармы различных людей друг с другом и с судьбой мира, определяя общую схему его развития. Конкретная судьба мира

определяется законом кармы и личной свободой воли всех участников мирового процесса.

Этическое учение Веданты основано на понятии дхармы (личной морали). Оно утверждает: этично для человека то, что в данный момент ведет к его духовному росту.

Обзор содержания

Разделение трактата на главы в значительной мере условно и (со скрипом) произведено автором исключительно по просьбе Читателя. При этом главная тема трактата — знаки на пути — не всегда выражена прямо, но автор помнит о ней постоянно. Здесь же автор считает необходимым подчеркнуть, что признаки духовного роста, о которых речь пойдет ниже, являются именно *признаками*, а не целью духовного развития; они появляются *сами по себе*, свидетельствуя о правильности выбранного пути. Попытка поставить их в качестве цели обязательно ведет к отягощению кармы.

Основной тезис первой главы трактата заключается в том, что большая часть духовных проблем человечества суть интерпретации одного универсального желания: понять и почувствовать единство мира. Вторая глава посвящена проблеме свободы воли и утверждает, что творчество есть одно из ее проявлений; с этой точки зрения изучается процесс творчества. Эта глава является концептуально важнейшей. В третьей главе рассматривается проблема добра и зла на основе теории эстетического выбора, построенной во второй главе. Четвертая глава посвящена основному средству общения человека с Богом (и сатаной) — внутренним голосам. Пятая глава посвящена изменению образа жизни человека в процессе духовного роста. В шестой главе рассматриваются различные типы познания. И, наконец, в седьмой главе автор высказывается по поводу проблемы взаимоотношений человека и Бога.

Глава 1

Единство мира

С того самого момента, как человек осознал себя, то есть отделил себя от мира, он стремится найти в этом мире свое место и опять включить себя в этот мир. Чтобы это сделать, ему нужно постичь единство мира. Проблема познания подробно рассмотрена в шестой главе; здесь же автор ограничится несколькими вводными замечаниями.

Научное познание и единство мира

Сама идея возможности познания мира человеком предполагает, что есть определенная одинаковость в природе, благодаря чему наше ограниченное по своим возможностям сознание может постичь небольшое количество основных законов, организующих мир. Цель науки — найти полную систему таких законов, в которой бы любой другой закон являлся их логическим следствием. (Вера в существование такой системы, а в идеале — одного закона, познаваемой, если не целиком, то частями, и составляет интуитивную основу позитивизма). Поэтому ученые-профессионалы всегда ищут общий взгляд на возможно более широкий круг явлений, стремясь по возможности сократить число основных законов. Так, А. Эйнштейн значительную часть жизни посвятил попыткам построения общей теории поля, описывающей с единой точки зрения все типы физических взаимодействий.

К сожалению для позитивистов реально складывающаяся ситуация выглядит как раз наоборот: по мере более внимательного изучения действительности глобальные законы начинают нарушаться, модифицируясь по-своему в каждой подобласти, а попытки «склеивания» локальных законов в глобальные терпят неудачу. А справедливые глобальные законы обладают печально известным свойством, выраженным фразой: «Эта теория настолько

всеобща, что никакое ее частное применение невозможно». Другими словами, глобальные законы становятся настолько расплывчатыми, что перестают хоть как-то ограничивать множество потенциально возможных явлений, в чем, собственно, и заключается суть любого закона: он среди всех мыслимых (потенциально допустимых) возможностей выделяет узкий класс тех, которые фактически могут реализоваться. Поэтому надежда на существование полной системы глобальных законов пропадает.

И тот факт, что, несмотря на это общеизвестное обстоятельство, люди продолжают с энтузиазмом заниматься наукой, свидетельствует о чисто мистическом подсознательном ощущении, что единый, настоящий и полный Закон природы существует и его открытие очень важно, и притом не только для общества, а для данной конкретной личности. Как обычно, ощущение правильно, ошибочна интерпретация; вызывается же это ощущение как раз единством мира.

Чувственное познание и единство мира

Ум, создавая модели действительности и реализуя тем самым принцип «экономии мышления», в то же время отгораживает нас от этой самой действительности. Есть, однако, путь познания, заключающийся в выключении ума и непосредственной настройке всех органов чувств на объект. Мы погружаемся в ландшафт, настраиваемся на собеседника и т. п. И всегда по достижении определенной степени концентрации возникает один и тот же эффект: мы начинаем воспринимать объект как единое целое и включаем его в себя; детали пропадают, но информация, которую они доставляли, не исчезает, а лишь определенным образом трансформируется. Пока этого не случится, человек испытывает неудобство, беспокойство, чувство «непонимания», невосприятости. Таким образом, воспринимать по-настоящему можно только *целостный* объект, так что, когда мы стремимся воспринять мир в целом, нам *необходимо*, чтобы он был единым. Именно это ощущение (обычно подсознательное) ведет к постоянным попыткам

преодолеть видимые противоречия мира, то есть как раз те моменты, которые мешают видеть его как единое целое.

Прежде всего это всевозможные двойственности: свобода и необходимость, добро и зло, гармония и дисгармония, объект и субъект, любовь и ненависть, Бог и человек. Пока мы не снимем эти противоречия, нет надежды познания мира.

Искусство

Всякая гармония есть проявление единства мира. Поэтому искусство можно определить как специфическую попытку выразить единство мира определенными средствами (стихами, красками и т. д.). Все попытки формализации эстетики терпят провал именно потому, что для того, чтобы понять искусство, следует прежде понять единство мира, и никак не меньше.

Глава 2

Свобода воли и творчество

Откровение

Всякое *понимание* является результатом откровения. «Усек», «дошло» — слова, которыми человек выражает то обстоятельство, что он только что общался с Богом. Принято думать, что откровения, прозрения и тому подобные состояния свойственны немногим выдающимся личностям, в то время как разница между ними и всеми прочими лишь количественная, а никак не качественная. Человек, который после изрядного труда понимает фразу на иностранном языке (или на родном), испытывает те же чувства, что и поэт, который наконец находит строчку; отличие заключается лишь в интенсивности переживаний.

Распространено мнение, что высшие достижения человеческого ума и искусства создаются «с Божьей помощью» или даже «продиктованы сверху», как сейчас принято говорить. Однако это же относится и к любой мысли любого человека, и к любому стихотворению последнего графомана — качественной разницы здесь тоже нет. Естественное возражение: существуют же неверные и даже глупые мысли и никуда не годные стихи. В ответ автор мог бы сослаться на дух концепции Веданты (глупость есть низшая степень ума, зло — низшая степень добра и т. п.), но суть в том, что субъективные ощущения бездарного поэта и дурака в момент творчества (то есть создание строчки или мысли) не отличаются от соответствующих ощущений их более способных собратьев. (Здесь автор хочет заметить, что понимание не то что «глубинного» смысла текста, но даже и просто любой фразы требует мистического откровения, хотя бы и небольшого.)

Теперь на тему о том, можно ли править рукописи. Представление о творчестве как откровении противоречит концепции свободы воли. Откровение приходит, когда мы направляем свое внимание на определенное место в тонком мире. Получая оттуда ответ (откровение) и видя, что он является ответом несколько не на тот вопрос, мы корректируем вопрос, соответствующим образом изменяя направление внимания, получаем следующее откровение и т. д. Человек талантливый тем и отличается, что умеет, получив ответ-откровение, понять, что именно в его вопросе было не так, и после этого скорректировать его в должном направлении (а также порой изменить интерпретацию ответа). Проблема плохих стихов и глупых мыслей заключается, следовательно, не в том, что строчки или мысли плохие, а в том, что автор интерпретирует их как ответ на один вопрос, в то время как в действительности вопрос был совсем другим. Мало кто умеет задавать *ясные* вопросы, а уж вопросы Богу тем более, благо, можно даже на языке не формулировать; так стоит ли удивляться, что неправильно трактуется ответ?

Так что рукописи править можно. А вот как сделать, чтобы глупые мысли в голову не лезли, а все больше умные? Или хотя бы оригинальные?

Ум и логика

Богословы и мистики традиционно отводят уму незначительное место. Однако он существует, а Кант даже утвердил априорный характер логики, стало быть, определенная роль этим предметам предначертана.

Что касается ограниченности области применения ума и особенно логики — она торжественно провозглашается представителями поэзии в широком смысле («лириками»). И действительно, пытаясь логически анализировать душевные состояния людей, мы часто вынуждены довольствоваться грубыми схемами, которые явно неадекватны.

Примечательно, однако, что подобная ситуация встречается не впервые, в особенности если иметь в виду материальность мысли, то есть ее способность непосредственно воздействовать на

феноменальный (наблюдаемый) мир. Характерно, что материалист Фрейд сформулировал аналогичный вывод в результате многолетнего изучения невротической навязчивости. Он пишет, что навязчивая идея, находясь глубоко в подсознании, ведет себя так, как будто она существует реально. Совершенно естественно, что такая грубая сила, которая в состоянии изменять даже материальный мир, не может служить тонким инструментом исследования тайных состояний души, высшего религиозного познания и т. п.

С другой стороны, археологические раскопки ведутся сначала бульдозером, затем лопатой и только потом уже кисточками. Археолог, вооруженный только кисточкой, рискует не найти ничего. Автор позволит себе сравнить логику с бульдозером, ум с лопатой, а все трансцендентные интуиции — с кисточкой.

Разумеется, человек высокого духовного уровня может пользоваться исключительно интуицией. Однако автор полагает, что если такой человек захочет, то и обычный ум будет к его услугам, а кроме того, может быть, он был просто «умным» в одном из предыдущих воплощений...

Так что если не надеяться на свое высокое духовное начало, то начинать изучение объекта лучше с формально-логической схемы, потом следует содержательный анализ, то есть выявление всех видимых связей и структур, а уж только потом стоит добиваться мистического ощущения единства данного объекта и искать в нем Бога...

Предположим теперь, что мы дошли до такой стадии изучения объекта, что различные мысли о нем стали нас навещать. Как к ним относиться? Первая стадия характеризуется безумной любовью к *каждой* из пришедших (после долгого ожидания и бесплодных усилий) мыслей. Так смотрит начинающий художник на свою первую картину. Указанное чувство (любовь) означает, что мы на верном пути, то есть духовно (в данном случае — умственно) растем, но вовсе не означает, что мысль правильная и умная. Скорее всего, мысль не только глупая, но еще и чужая, когда-то давно в процессе обучения услышанная, затем забытая, а теперь всплывшая в голове. Убедившись в этом обстоятельстве, продолжаем размышлять, соотнося появляющиеся мысли с тем, что нам уже известно и

стараясь вычлени́ть то новое, что в них содержится. Терпеливо дождавшись появления в самом деле оригинальной мысли (и сопутствующего мимолетного ощущения чистого счастья), мы пытаемся пристроить эту мысль в уже существующую систему наших представлений об объекте. При этом систему приходится перестраивать, менять систему связей и т. д. Получив новую систему представлений об объекте, полезно сравнить ее с предыдущей с двух точек зрения: какая модель адекватнее и какая более компактна, то есть больше соответствует бритве Оккама. При этом следует иметь в виду, что уменьшение компактности модели допустимо лишь при одновременном значительном увеличении ее адекватности. И скорее всего придется перебрать много оригинальных мыслей, пока не появится что-то путное...

Написанное выше является примером того, как можно использовать ум при работе с откровениями (в форме приходящих мыслей). Несколько сложнее обстоит дело с откровениями морального характера, посланками из Мира Огненного (см. Агни-йогу) и т. д. Для того, чтобы разобраться с ними, надо иметь, конечно, опыт, но общий принцип тот же: не следует считать, что первая мысль, первый импульс в ответ на откровение — истинны. Скорее всего наша интерпретация неточна. Думайте, сопоставляйте вопрос с ответом (откровением) и стремитесь найти такую интерпретацию откровения, которая в наибольшей степени увеличивает ощущение единства и гармонии мира.

Жизнь как выбор

Обычно понятие творчества относят к небольшому числу занятий человека, к так называемым творческим профессиям: писатель, художник, ученый и т. д. Во всех остальных занятиях предполагается в лучшем случае элемент творчества. Однако творчество есть не что иное как высший вид проявления свободы воли, и в этом смысле свойственно человеку в любой ситуации выбора. Творчество есть постоянное занятие всех людей: все они живут, то есть, проявляя свободу воли, творят свою судьбу. Вся разница в том, сколь часто, как и по каким поводам производится выбор.

Жизнь человека в основном состоит из рутинных, многократно повторяющихся одинаковых процессов (чистка зубов, поездки на работу и т. п.). Человек, совершая такие рутинные действия, может даже не включать в них работу сознания, что, конечно, экономит ему умственные усилия. Однако в это время он не живет, а существует, подобно механизму. Собственно жизнь — творчество — происходит тогда, когда человек прокладывает новые пути: учится, выбирает.

Учиться и производить выбор для человека трудно, неприятно и нередко ведет к стрессам. Это известно давно. Однако даже для того, чтобы просто поддерживать существование, то и другое в какой-то мере необходимо. Можно, конечно, стремиться максимально свести свою жизнь к рутинным действиям. Это путь И. Обломова; для него, однако, требуется определенная материальная обеспеченность. И поскольку для нас этот путь недоступен, попытаемся разобраться в том, почему же *учиться и выбирать* так трудно и неприятно.

Неприятно потому, что трудно. Но не только поэтому. Неприятность заключается еще и в том, что человек ощущает ответственность за свой выбор и при этом неуверенность в нем. Каков же выход? Надо переложить тяжесть решения на других. Можно на близких, но лучше на Бога. Голос Бога звучит, как известно, в нашей душе, и мы прислушиваемся к внутренним голосам. Но увы! Их несколько, каждый взволнованно говорит что-то свое, а *одного*, того самого, спокойного, тихого и уверенного голоса, который скажет, как надо — не слышно. И ничего удивительного в этом нет. Не имея привычки всегда слушать внутренние голоса, как же разобраться в их хоре, заставить замолчать громкие и лживые и услышать настоящий, голос Бога?

Если мы хотим научиться слышать голос Бога, мы можем научиться слышать его всегда, во всех ситуациях выбора (например, куда ехать в отпуск). Надо только помнить, что Бог (естественно) воспринимает каждый наш выбор в рамках судьбы всего мира. Каждый наш поступок есть штрих в картине мира и соответственно увеличивает или уменьшает ее гармонию. А чтобы это понять, следует отойти от той детали общей картины, которую представляет собой данный эпизод нашей жизни, и взглянуть на картину в целом. Качество детали и штриха будет виднее.

Тут следует заметить, что логика «что было, то быльем поросло» и «добрые дела заглаживают дурные поступки» не соответствует действительности. Гармоничность мира следует понимать в динамике, а не в статике, то есть мир следует рассматривать как процесс, и не судить о нем по его конечному состоянию. Человек должен стремиться сделать тот максимум, на который он способен при данном духовном уровне; а его более низкие проявления ничем не могут быть заглажены и навсегда остаются пачкать картину мира.

Природа творчества

Человек творит, когда он в ситуации выбора задает Богу вопрос, получает ответ, а затем осуществляет выбор. Качество творчества зависит от умения задать вопрос и проинтерпретировать ответ. Для того чтобы научиться этому, есть только один способ: постоянно этим заниматься. Это трудно, поскольку требует концентрации внимания, с одной стороны, и постоянной его перестройки, с другой. Если один и тот же вопрос задавать дважды, это уже не творчество. Правильная интерпретация ответов есть также занятие с подводными камнями. Во-первых, приходится постоянно менять свою систему представлений о мире и его отдельных фрагментах, что трудно ментально и тяжело морально, и во-вторых, если речь заходит о проблемах нравственных, можно услышать такую истину о себе, вместить которую не всякому под силу... Однако необходимо — иначе прерывается связь и голос умолкает.

На уровне художественного творчества неприятности как будто отсутствуют, или, во всяком случае, они другого сорта. Во-первых, бывают творческие личности, которые, по-видимому, творят без мук (Пушкин, Моцарт). Во-вторых, все-таки о муках творчества не говорят так, как о муках совести или физических страданиях; никому не придет в голову серьезно жалеть такого человека. О муках творчества чуть ниже, а теперь рассмотрим работу творчества.

Творчество включает в себя два основных момента: концентрацию внимания в данном направлении и выбор самого направления. Если сравнить внимание с прожектором, высвечивающим предмет вдохновения в тонком мире, то художник

сначала выбирает направление прожектора, а затем фокусирует его. Фокусировка — это концентрация. Чем выше концентрация внимания, тем ярче освещен объект, и тем больше информации получает творец; поэту, к примеру, приходит в голову не рифма, а сразу четверостишие. После этого опять необходимо перестроить прожектор внимания: направить на новое место и сфокусировать. Здесь, в момент выбора нового направления внимания, и нужно проявить свободу воли. Конечно, оно не совсем произвольно, Бог подсказывает нам некоторые вероятные варианты, но все же окончательный выбор лежит на человеке.

Теперь о муках творчества. Они связаны с неумением выбирать направление внимания и, главное, концентрироваться. Чем меньше освещен объект, вследствие плохой фокусировки прожектора, тем меньше информации о нем мы получаем, и тем более расплывчаты указания сверху о дальнейших перспективных положениях прожектора, необходимых для последующего освещения объекта с целью получения о нем нужной информации. А ошибки приводят к освещению *других* объектов, и на портрете к мужскому носу рисуются женские губы.

Однако и человеку, который умеет хорошо концентрироваться, приходится осуществлять выбор, хотя и с меньшим числом вариантов. И здесь его подстерегает большая опасность, связанная с тем, что временами необходимо сильно менять направление прожектора (например, менять профессию или полностью перестраивать мировосприятие). Это очень трудно, в частности, потому, что в новой области приходится заново много учиться, и в первую очередь фокусировке. Понятно, решиться на такой выбор трудно, даже если есть ощущение, что он необходим. Можно, конечно, и не менять направление прожектора или направлять его в область мира сего, и стать исписавшимся, но членом Союза писателей или академиком живописи...

Творчество жизни

Аналогичная ситуация возникает в повседневной жизни всегда, когда необходим выбор. Специфика же здесь в том, что объектом

творчества является наша жизнь, а на самом деле судьба мира. Поэтому следует смотреть на все ситуации выбора именно с этой точки зрения, не локализуя последствия данного конкретного выбора, то есть не считая его ограниченным пространственно-временным эпизодом. На наш выбор влияют самые разнообразные силы: желания подсознания, часто закамуфлированные, воздействия различных людей и групп, цензура «сверх-я» и многое другое. Поэтому разобраться в полифонии внутренних голосов (сильно отдающей какофонией) нелегко. Однако именно это является главной задачей человека. Сконцентрировав свое внимание на звучащих внутри голосах, можно скоро обнаружить, что каждый из них чем-то выдает свое происхождение; например, как бы подсознание не камуфлировало эгоистические желания, они легко распознаются по-своему конечному результату. Значительно сложнее обстоит дело с голосами, которые не звучат. Их следует вызывать из небытия, приглушая остальные и концентрируя внимание на них при их малейшем появлении. Один из первых признаков правильности выбранного духовного пути — уменьшение какофонии и согласование голосов, при граничном условии внутренней честности (можно жить в мире со своей совестью, заглушив ее, но тогда придется себе много лгать).

И вот мы начинаем слышать голос Бога. Для того, чтобы правильно его интерпретировать, следует иметь в виду, что Бог рассматривает наш выбор с точки зрения судьбы мира (см. выше), так что Его мнение может не согласовываться с нашими сиюминутными устремлениями. Но даже позиция «Знаю и одобряю лучшее, а следую худшему» лучше, чем полное забвение «лучшего». Если человек просто думает о «лучшем» (и при этом не лжет самому себе), он становится лучше. Теперь об афоризме «Все, что делается истинно, делается легко». Смысл его в том, что основные трудные для человека виды деятельности — выбор направления внимания и его концентрация — при правильном их выполнении требуют значительных энергетических затрат, которые, однако, полностью окупаются за счет творческого подъема. Удовлетворение от правильно выбранного решения приходит сразу, часто еще до того, как человеку становится ясно, к каким последствиям привел его

выбор. Так фраза «Но все-таки я считаю, что поступил правильно» говорится часто с внутренним ощущением того, что гармония мира была увеличена, несмотря на ущерб эго, или низшего «я»; при этом первое ощущение приходит сразу после выбора, а второе — позднее.

Ощущение энергетической недостаточности означает плохую концентрацию или неправильное направление внимания, происшедшее вследствие неверного выбора. Так у человека портится настроение и скребут на душе кошки после необдуманного поступка, даже не приведшего к плохим последствиям.

Обучение

Обучение — самый трудный вид деятельности для человека. Обучение это процесс настройки прожектора внимания и выбора его точного направления, когда общее направление уже имеется. Это то, что поэты и музыканты называют умением слышать, а художники — видеть (философы, к сожалению, специального слова не имеют). Существенно, что для фокусировки прожектора в данном направлении недостаточно просто уметь концентрировать внимание, хотя это и очень важно; всякая область имеет свою специфику, и обучение всякому виду деятельности идет по-своему.

Таким образом, трудности обучения в принципе те же, что и трудности творчества; разница только в степени фокусировки прожектора и, следовательно, яркости освещения объекта (и, соответственно, интенсивности творческого подъема).

Законы творчества

Настоящий художник учится всю жизнь. Это связано с тем, что *постоянная смена объекта внимания — первый закон творчества*. На объект, увиденный один раз, нельзя смотреть во второй — это называется банальностью. *Второй закон творчества* заключается в том, что *чем выше степень концентрации на объекте, тем яснее варианты следующего выбора*. Это не значит, что совершать выбор легче, однако трудность меняет свой характер. *Третий закон творчества* заключается в том, что *чем больше отличается*

направление следующего внимания от предыдущего, тем меньше начальная степень концентрации внимания и тем труднее его фокусировать до прежнего уровня настройки. Однако время от времени все же необходимо сильно менять направление внимания и начинать учиться заново. Когда же? Это зависит от общей способности к концентрации. Поскольку она ограничена, наступает момент, когда дальнейшие попытки фокусировки не приводят к увеличению освещенности объекта. Это и есть знак того, что пора переключиться на другой объект. Иначе получаются «замученные» картины или стихи.

Все вышесказанное относится, разумеется, не только к творчеству в узком смысле, но и ко всей жизни человека в целом. В этом случае объектом творчества служат судьбы человека и мира, рассматриваемые как процессы, где прошедшее и будущее в равной мере важны, вопреки распространенной точке зрения, которая склонна считать важным в человеческой жизни лишь конечный результат (то есть то, чего человек «добивается»). Резюмируя можно сказать, что для человека жизнь есть постоянное обучение и творчество. Разница между «творческим» и «нетворческим» отношением к своей жизни и труду количественная, а не качественная, и заключается в степени концентрации внимания и правильности выбора.

Объект творчества

Процесс творчества можно рассматривать как перевод некоторого объекта из Хаоса в Космос, путем его освещения прожектором внимания. Набор направлений, с которых объект был освещен, определяется личной свободой творца; и именно в этом причина того, что любой объект творчества неповторим.

Более того, по мере освещения объект творчества *оживает*, так как живым является все в Космосе. Можно условно выделить три основные стадии творчества. На первой стадии объект начинает оказывать сопротивление воле творца (писатели говорят, что их герои начинают «жить собственной жизнью»). На второй стадии объект требует воплощения, беспокоит создателя, заставляя его

окончить свою работу. Наконец, на третьей стадии уже воплощенный объект начинает оказывать вполне реальное влияние на всю жизнь Вселенной.

Свобода воли

Свобода воли есть главное свойство всего живого. Крайним отрицанием свободы воли является детерминизм Лапласа, который утверждает, что, зная координаты и скорости всех материальных тел в некоторый момент времени, можно точно предсказать состояние Вселенной в будущем. Удивительным (и очень поучительным) является то обстоятельство, что противореча таким образом основному закону Вселенной (закону творчества), детерминизм Лапласа с хорошим приближением описывает значительную часть жизни в ней (движение макроскопических «неодушевленных» тел).

Более внимательный анализ ситуации в микромире показывает (квантовая механика), что предсказать точное поведение, например, электрона, нельзя. Более адекватным является представление об «электронном облаке», в пределах которого «размазан» электрон, оказывающийся (при наблюдениях) с определенными вероятностями в различных частях этого облака. Конечно, жесткое распределение вероятностей дальнейшей судьбы является определенным ограничением свободы воли, но все же гораздо лучше лапласовского детерминизма. Впрочем, трудности современной физики показывают, что и с электроном не все так просто, и, вероятно, в следующей модели, которая продолжит квантовую механику, электрону будет предоставлена еще большая свобода воли.

«Свобода воли у растений и животных связана с инстинктом и употребляется для выживания; все их действия запрограммированы», — подобная точка зрения, оставляющая свободу воли только человеку весьма распространена. Однако, если отвлечься от привычного антропоцентризма, то следует признать, что у каждого животного и растения есть своя индивидуальность, неповторимость, а выбор, который оно постоянно совершает, диктуется не только внешними силами и заложенными эволюцией

рефлексами, но и чем-то личным и притом не связанным с борьбой за существование данного животного или его вида.

Аналогично, у человека выбор в любой ситуации определяется не только борьбой за существование. «Не хлебом единым жив человек, но словом Божиим». «Божье слово» — это как раз творчество.

Человек, как и все живое, использует свободу воли в двух основных направлениях — выживание и привнесение в мир гармонии (разумеется, это разделение условно, так как выживание само по себе противоположно смерти, то есть хаосу). Инстинктивное стремление к гармонии свойственно всему живому, но с проявлением Духа в человеке последний начинает указанное стремление осознавать, и тогда он может сознательно направлять свой выбор к этой цели. При этом проявления свободы воли начинают несколько менять свой характер, так что в языке даже появляется специальное слово: творчество.

По мере духовного роста человек все более отчетливо видит в каждом конкретном случае возможные последствия своего выбора в рамках не только личной судьбы, но и судьбы мира (впрочем, для него эти понятия постепенно сближаются). При этом, если варианты выбора и их последствия суть информация, представляемая Богом, то оценка этих последствий и собственно выбор уже определяются неповторимой индивидуальностью данного человека. По мере духовного роста улучшается и возможность оценки последствий выбора: человек все больше воспринимает мир как целое и все лучше оценивает влияние своих поступков на судьбу мира. Однако критерии гармоничности у каждого человека индивидуальны, хотя и согласованы в целом общим замыслом Творца, давшего каждому живому существу частичку Себя.

И именно с индивидуальными особенностями эстетического восприятия связана сама возможность индивидуального творчества, то есть своего вклада в процесс бого-человеческого общения, выражающегося в творчестве.

Эстетический критерий

По сути дела эстетический критерий является основным при любом выборе, но на низших уровнях развития он несовершенен и остается неосознанным. Несовершенство эстетического критерия связано с узостью сознания (см. ниже главу 3). Человек начинает с личного эгоизма (концентрация внимания на эго), затем идут интересы семьи, группы, нации и т. д. Стремление к гармонизации личности, когда круг внимания ограничен эго, приводит к чистому эгоизму в различных вариантах (от стремления к приобретению различных благ до попыток овладения культурой с целью получения удовольствия), стремление к гармонизации нации приводит к геноциду и т. д.

С ростом духовного уровня неосознанный эгоистический критерий сменяется осознанным и затем моральным, с одновременным расширением сознания: моральный критерий предполагает включение в сферу восприятия других людей. Затем моральных критериев начинает не хватать и остаются чисто эстетические, которые к этому времени выходят в сознание.

Степень сознательности выбора растет вместе с духовностью. Не следует заблуждаться по поводу сознательности отдельных несущественных выборов (особенно в обыденной жизни). На низком духовном уровне выбор в существенных для духовного роста ситуациях происходит *неосознанно*, под действием инстинкта и внешних сил. Кажущиеся самостоятельность и осознанность выбора есть камуфляж подсознания. Конечно, человек совершил выбор сам, но неосознанно, то есть им управляли силы подсознания, которое воспользовалось приемом маскировки. При этом человеку кажется, что выбор осуществляется сознательно, но сознанием он лишь оценивает ближайшие последствия выбора и притом в несущественной области. В то же время инстинктивно он ощущает, что его выбор имеет другое, гораздо большее значение для будущего и в иной сфере, и именно из подсознательной оценки вытекает его фактическое решение. Но для успокоения сознания подсознание ему подыгрывает, создавая видимость свободы выбора.

Вообще, рост внутренней честности есть существенный признак духовного развития.

С духовным ростом меняется и характер трудностей в ситуации выбора. Категории ограничительного свойства (долг, совесть) сменяются эстетическим критерием, свойственным творчеству в его обычном понимании. Человек начинает стремиться *жить красиво* в истинном смысле этих слов — он *творит свою жизнь*.

Постепенно исчезает самый неприятный момент в ситуации выбора, когда человек не знает, чего хочет, точнее говоря, его разрывают противоположные стремления и он не может оценить последствий выбора. Уменьшение какофонии хора внутренних голосов и желаний тесно связано с духовным ростом вообще и восприятием гармонии мира, в частности.

Известное ощущение безысходности и богооставленности в ситуациях экзистенциального выбора, типа того, который описывает бравый солдат Швейк («а потом вам предлагают четвертование или сожжение на костре по вашему выбору»), связано с сужением восприятия до чисто эгоистических интересов, или, более общим образом, с невозможностью на данном уровне мировосприятия вписать свой личный выбор в судьбу мира. В некотором смысле каждый человек заслуживает свои страдания, то есть его страдания соответствуют его духовному уровню (здесь автор имеет в виду характер, а не интенсивность страданий). Так мы иногда не в силах серьезно отнестись к вполне реальным (и даже значительным) страданиям несчастной любви четырнадцатилетней девочки.

Глава 3

Добро и зло

Теодицея

Вивекананда пишет, что Рамакришна к концу жизни достиг такого духовного уровня, что вообще перестал видеть в мире зло и видел одно добро. (Веданта говорит, что всякий человек видит зла в мире не больше, чем есть в нем самом.) Читателя, надо думать, покорабят такие слова. А как же, скажет он, концентрационные лагеря и пуля дум-дум? Неужто это тоже добро?

Проблема теодицеи, то есть оправдания Бога, попустительствующего злу на Земле, стоит давно. Опуская исторический обзор, отметим следующее. Прежде всего, сама постановка вопроса предполагает личного, то есть антропоморфного Бога, который оценивает добро и зло приблизительно так же, как и мы. В то же время ясно, что зло не с человеком появилось, а присутствовало в эволюции всегда (см. гравюру Брейгеля «Большие рыбы пожирают маленьких»). Особое отношение к специфически человеческому злу связано с наивным антропоцентрическим представлением о человеке как о «венце творения». Тогда, действительно, Бог несет повышенную ответственность за несовершенство человека и зло ему присущее. Попытаемся, однако, встать на более объективную точку зрения.

Проблема зла (к сожалению) сильно эмоционально окрашена. «Непримиримая ненависть ко злу» и «страстное желание добра», с одной стороны, сильно затрудняют объективное изучение вопроса, а с другой — заставляют предположить определенный невроз, как в личном, так и в общественном сознании. О причинах этого невроза нетрудно догадаться даже без помощи Фрейда и Юнга. Она заключается в том, что зло есть символ угрозы существованию — особи и вида. И чем дальше от нас, тем более объективной становится наша точка зрения, заметно при этом видоизменяясь.

Субъективно наибольшее мировое зло — это сокращение штатов предприятия, на котором я работаю. Далее следуют хулиганы в микрорайоне, угроза атомной войны, склочные настроения жены, грядущая старость, предательство друга, текущая болезнь и т. д. По мере удаления от проблем человеческого рода огорчения по поводу зла быстро уменьшаются: тигр, пожирающий козленка, вызывает, в худшем случае, легкий укор; всем ясно, что ему вроде так «положено». (Интересно, а козленку «положено» быть съеденным тигром? Или умереть от старости, то есть от болезней, или быть съеденным внутренними паразитами? Как насчет «зла»?) И уж совсем не вызывает осуждения лиана, вьющаяся вокруг другого дерева и медленно удушающая его. А о космических катастрофах, когда погибают целые звезды и образуются черные дыры, никому даже не приходит в голову говорить в моральных терминах.

Однако, если смотреть на жизнь с эволюционной точки зрения и считать злом увеличение энтропии, а добром усложнение существующих систем (с точки зрения кибернетики), то именно гравитационный коллапс (то есть образование черной дыры) следует считать наибольшим злом, так как он приводит к максимальной утрате информации (из черной дыры ее вообще не поступает, оттуда не выходит ни один луч света), то есть, по определению, к увеличению энтропии.

Да и вообще, считать, что система, порождающая более высоко организованные объекты за счет гибели менее высоко организованных, движима добром или движется к добру, неестественно.

Так вот она, гармония природы,
Так вот они, ночные голоса!
Так вот о чем шумят во мраке воды,
О чем, вздыхая, шепчутся леса!
Лодейников прислушался. Над садом
Шел смутный шепот тысячи смертей.
Природа, обернувшись адом,
Свои дела вершила без затей.
Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,

И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы.
(Н. Заболоцкий)

Следует или признать, что князь мира сего — сатана, или что Божественное понимание добра и зла отличается от нашего.

Воздействие на мир

Имеется, впрочем, одно существенное обстоятельство. Сами понятия добра и зла даны человеку в двух противоположных аспектах. Первый, свойственный всем живым существам — это воздействие мира на субъект. Добро это то, что помогает выжить особи или виду — еда, солнце, самка; зло это то, что мешает выживанию. Второй аспект уже требует самопознания. Это — оценка своего воздействия на мир. Способность членить свою деятельность на поступки и оценивать их с моральной точки зрения по отношению к различным частям внешнего мира, несомненно, является врожденной. Воспитание, конечно, влияет на критерии оценки, но сама способность явно дана свыше. Это означает, что у человека имеется интуитивное представление о том, что для мира хорошо, а что плохо. Разумеется, это представление сильно зависит от того, насколько хорошо человек воспринимает внешний мир и, кроме того, сильно искажается общественным воспитанием, преследующим узкую цель сохранения вида, и эгоизмом. Однако, по-видимому, ощущения добра и зла во втором аспекте предназначены для ориентации человека в мире. Индивидуальное зло тогда есть ощущение того, что человек отягощает мировую карму. Понятие мирового зла получается переносом индивидуального зла на антропоморфного Бога. Однако джнани-йога рассматривает в качестве первопричины эволюционирующей Вселенной безличный Абсолют (включающий личного Бога как часть), и поэтому задаваться вопросами типа «зачем Бог создал Вселенную» и «почему Он создал ее так, а не иначе» бессмысленно, так как эти вопросы предполагают человеческую логику Создателя. Можно, однако, задаваться вопросом, какую роль играет то или иное явление. В частности, добро и зло имеют, таким образом, двоякую функцию: будучи

оценками воздействия мира на субъект, они дают ему возможность сохранить существование, а будучи оценками участия субъекта в мире, ориентирует его в мировой карме.

Сознание и зло

Выше (глава 2) уже отмечалось, что, сознательно или подсознательно, критерий выбора всегда эстетический. Человек гармонизирует ту часть мира, которая доступна его сознанию, точнее говоря, сознанию его сердца. Так, эгоист, у которого сознание сердца сужено до пределов своего эго, стремится максимально заботиться о своем низшем «я»; националист думает только о судьбе своей нации; диктатор стремится создать максимально мощный и гибкий аппарат управления своими подданными, поскольку в его сердце помещается лишь одна идея: их полное повиновение. Однако зло возникает не от того, что сознание сужено, а от того, что оно не соответствует духовному уровню человека. Так, осознание своего «я», то есть отделение себя от мира, равно как и появление самосознания нации и организация человеческих коллективов были в свое время величайшими событиями в духовной жизни человечества. Если, однако, расширение сознания сердца тормозится, человек начинает создавать гармонию в слишком малой (по его карме!) части Вселенной, неизбежно уродуя при этом Вселенную как целое.

Существенно, что именно сознание сердца определяет, творит человек добро или зло. Если эгоист решит (например, под влиянием авторитетного для него лица), что ему необходимо проявить заботу об окружающих, то это означает, что расширилось его ментальное сознание, но не сознание сердца. И если он действительно начнет действовать в духе бескорыстной помощи, он скоро почувствует, что ему противно, что он лицемерит и все равно (непонятно почему) совершает зло, ничего хорошего у него не получается. Иначе быть и не могло. Для того, чтобы бескорыстно заботиться о каких-то людях, необходимо расширить сознание сердца, включив их в эту сферу. Сделать это ментальным усилием или по воле эго невозможно. В равной мере никакие чисто ментальные усилия со стороны других

людей и вообще «горизонтальные» обмены (то есть взаимодействия без духовной цели) не могут расширить сознание сердца.

Аналогично решается проблема творчества и зла. Если сознание человека сужено относительно его духовного уровня, он неизбежно творит зло. Плохие картины, неудачные романы, мелкая философия выкидываются человечеством за борт, но отравляют океан Бытия. Их ядовитые испарения оказывают влияние на всю историю мира.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ

Рассмотрим теперь эволюцию взглядов на добро и зло в процессе духовного роста. Здесь наблюдаются две тенденции. Первая из них заключается в том, что человек начинает воспринимать близко к сердцу все больший круг объектов, и для него становится все важнее определять свое нравственное отношение к ним. Вторая тенденция заключается в том, что эмоциональное отношение к своему и чужому добру и злу постепенно уходит, мир видится все более цельным и гармоничным, а добро и зло выступают как различные варианты одного пути кармы (зло — более окольный путь). Бердяев проводит мысль о необходимости зла для осуществления свободы воли; а свобода воли как раз и употребляется для выбора своего варианта личной кармы.

(Автору не очень легко писать эти строки сейчас, в 1984 году, когда сгущаются темные силы вокруг Земли, и само существование земного человечества через двадцать лет весьма проблематично. Однако и у тупиковой ветви эволюции могут обнаружиться объективность и честность, а анализ «изнутри» сильного эсхатологического ощущения — ожидания скорого конца света — представляется очень важным для Космоса. Здесь автору опять вспоминается одна из главных мыслей Бердяева, что Бог ждет творческого импульса человека, и особенно в такие минуты.)

Вивекананда сравнивает зло с железной цепью, а добро с золотой, и рекомендует отбросить сначала железную цепь, а потом и золотую и быть свободным. Это можно трактовать следующим образом. Сначала человек борется со злом в себе, то есть стремится не совершать таких поступков, которые по его внутреннему

ощущению приносят вред объекту. На следующей ступени он стремится делать добро, то есть совершать те поступки, которые, опять-таки по его внутреннему ощущению, приносят пользу объекту. При дальнейшем росте он постепенно обнаруживает, что его внутренние критерии добра и зла начинают плыть. Оказывается, что любой поступок влечет множество последствий, частью дурных, частью хороших, а частью таких, что он не может их оценить. Многие из того, что раньше представлялось ему несомненным добром, равно как и несомненным злом, становится проблематичным, а внутренний голос молчит. Однако мир представляется все более наполненным внутренним смыслом, и каждый поступок получает все более отчетливую внутреннюю оценку такого рода: ведет он к увеличению мировой гармонии или нет. Это и становится критерием выбора, и человек оказывается «по ту сторону» добра и зла.

Здесь автор считает необходимым еще раз отметить, что в этом трактате обсуждаются *признаки* духовного развития и что указанные явления происходят сами по себе. Непосредственно к ним стремиться нельзя: это приводит к отягощению кармы. Так, легко себе представить, что произойдет с человеком, который раньше времени волевым усилием поставит себя «по ту сторону» добра и зла и будет ориентироваться на внутренний голос без учета ограничений внутренней цензуры (в виде совести, долга и т. п.): он быстро придет к чистому эгоизму и жестокости, поскольку его внутренний голос является (на его уровне) главным образом рупором низших желаний подсознания.

Глава 4

Голоса

Человек в момент принятия решения испытывает различные давления: он чувствует разнообразные желания и слышит внутреннюю речь; автору удобно в последнем случае говорить о внутренних голосах. Эти голоса обладают замечательным свойством: они полууправляемы человеком, то есть он усилием воли может регулировать (в определенных пределах) их громкость. Эти пределы, в свою очередь поддаются регулировке; например, систематическими упражнениями можно заставить совершенно замолчать голос совести.

Когда в человеке одновременно звучит несколько голосов, которые хотят от него разных вещей, он испытывает очень неприятные чувства и вынужден идти на поводу у одного из голосов или желаний к ущербу для всех остальных. Чтобы облегчить себе решение, человек обычно усиливает предварительно один из голосов и приглушает остальные. Если этот усиливаемый голос (или тип желаний) всегда один и тот же, получается, например, человек долга, отзывчивый человек, деловой человек и т. д. Всех таких людей отличает одна общая черта: проблема выбора для них сильно облегчена. И за это приходится платить, потому что именно выбор есть главная (и самая трудная) работа для человека. И избегая ее, человек долга сталкивается с понятием ложно понятого долга, отзывчивый человек с горечью вспоминает тезис «никакое доброе дело не остается безнаказанным», деловой человек... о нем автор умолчит.

На определенном духовном уровне проблема выбора трудна и очень неприятна; человеку даже кажется, что Бог в этот момент от него отворачивается: советы советами, а решать-то надо самому! Но все же человек может не только испуганно озираться при виде действительности (внешней и внутренней): он может попробовать в ней разобраться.

С. Е. Лец говорит, что раздвоение личности — это тяжелый случай психической болезни, когда из бесконечного множества личностей, населяющих любого человека, остается только две. С конца XIX века, после работ Фрейда и романов Достоевского, стало общеизвестно, что внутри человека действует несколько сил, находящихся в постоянной борьбе. Однако обычно человек не относит этого обстоятельства к себе, постоянно используя местоимение «я» как единый нечленимый объект, первые же попытки разобраться во внутренних голосах показывают, что это не так. С внутренними голосами все обстоит очень непросто, и для того, чтобы научиться их отличать, нужно многое.

Лень

Прежде всего, имеется внутренний голос, побуждающий нас исполнять различные желания подсознания (то, что называется «наши желания»). Основным желанием подсознания большинства людей в настоящее время является желание ничего не делать, то есть лень. Это связано с сильной перегрузкой человека ложной, несвойственной ему деятельностью и ускорением темпа жизни. Основным закон общения с тонким миром это концентрация и замедление личного времени. Тогда человек легко получает откровения и не устает. Символ современной жизни — это мелькание кадров цветного телевизора, калейдоскоп майи.

Соответственно каждый импульс к действию прежде всего проходит цензуру подсознания в этом аспекте, и многие мысли бескорыстной помощи ближнему, самосовершенствования и т. п. даже не попадают в сознание. Причиной этого является, таким образом, не аморальность, а простая экономия сил усталого организма. Принцип «я тебе — ты мне» становится необходимым условием поддержания существования. При попытке же внедрить идеи бескорыстной помощи и т. п. извне, человек дает инстинктивную реакцию отторжения и злобы, совершенно, заметим, адекватную с биологической точки зрения: у организма хотят отнять немногие оставшиеся силы и тем самым его убить.

Более того, человек устает до такой степени, что вообще перестает прислушиваться к внутренним голосам, он полностью отдается гипнозу внешнего мира, майи, то есть иллюзии; возникает то, что ныне называют «человек-машина».

Попытка разобраться

Но вот однажды у некоего Икса на короткий промежуток времени заботы отложены, торопиться некуда, дел нет. Начинают звучать внутренние голоса. Но как же трудно в них разобраться!

Ложный, несвойственный человеку образ жизни ведет к тому, что важнейшие для него устремления — творчество, бескорыстное добро и, в целом, увеличение гармонии мира не реализуются, и важнейшее субъективное ощущение — самоутверждение, то есть ощущение реализации себя, приближения к Абсолюту, не возникает. Когда подсознание реагирует невротами, агрессивностью, импотенцией, инфарктами это значит, что оно не справляется. Но некоторые приспособляются, и это приспособление на подсознательном уровне идет по двум основным путям: блокировки и лжи.

Нежелательные внешние обстоятельства подсознание может с целью адаптации игнорировать или исказить так, чтобы они становились похожими на желательные. Здесь попытка объективного анализа может привести к успеху, то есть обнаружению истинного положения вещей. Гораздо сложнее обстоит дело, если мы пытаемся изучить обстоятельства внутренней жизни, надежно охраняемые подсознанием. Дело в том, что существует одна — для всех! — шкала ценностей высшего «я», существует и объективная оценка достижений личности по этой шкале. Если же человек живет так, что по истинной шкале все его оценки — двойки, то подсознание, с целью спасения хозяина от стресса, начинает сложную работу по созданию системы искажения реальности и шкалы самооценки. Эта система имеет на входе объективную информацию, а на выходе — если не пятерки, то четверки. И понятно, что поверхностные попытки человека ликвидировать эту систему искажения терпят, как правило, неудачу, так же, как и попытки «раскрыть ему глаза» со стороны

других лиц. Глаза-то у него как раз раскрыты: *искажены* внутренние механизмы обработки и оценки внешнего мира и своей роли в нем.

Итак, первое препятствие при попытке разобраться со своими внутренними голосами — то, что их не слышно за суетой майи — преодолено Иксом. Второе препятствие обнаруживается тут же. Икс открывает в себе сильное *нежелание* их слушать, непонятное ему самому. Причина проста: подсознание прекрасно знает, какими опасностями грозят Иксу эти голоса, оттого и блокирует его интерес к ним. Однако в силах Икса преодолеть это сопротивление и прислушаться. Что же он услышит? Речи пока нет. Зато имеется общее ощущение весьма определенного сорта: плохо. Много забот, огорчений, пустых хлопот и разговоров. Мало радости, моментов подъема (душевного и творческого), настоящего общения. Вокруг полное равнодушие.

Тут малоприятный агрессивный голос 1 спрашивает: «А почему, собственно, тебя должны любить? И кто ты такой чтобы творить? Эйнштейн?» Ему отвечает голос 2: «Но ведь я же такой *замечательный, неповторимый*, как же *они* могут этого не чувствовать? И творить я могу, только условий нет». На что голос 1 отвечает: «Как же, неповторимый! Брюхо у тебя неповторимо по своей отвратительной дряблости. А на условия все кивать горазды!»

Подобный диалог может звучать очень долго и никуда Икса не приводит. Дело в том, что оба голоса *лгут*, а точнее говоря, этот диалог специально затеян подсознанием, чтобы заглушить прочие голоса и отвлечь от них внимание Икса. Пусть, однако, Икс, послушав диалог 1 и 2, приказывает им замолчать. Тогда тихо-тихо начинает звучать голос совести 3: «Что-то ты не о том думаешь. Все о делах, деньгах, а надо бы и на других внимание обращать. Вот Игреку и Зету не позвонишь никак... Да и к работе своей подбросовестнее относиться можно...» На это отвечает также тихий, безнадежный голос 4: «Да, конечно, надо бы. Да только все бесполезно. И себя не переломишь, и других тем более, и помочь им все равно не сможешь. А на работе *один* не станешь же добросовестным...» Диалог между голосами 3 и 4 идет уже тише и медленнее, однако и эти голоса лгут в том же смысле, что и 1, и 2, и разговор не ведет никуда. Однако Икс может нечеловеческим усилием воли заставить замолчать и эти

голоса, и снова вслушаться в себя. Теперь он не услышит *ничего* и вернется к делам.

Итак, полная неудача? Да. И причина ее в том, что в решающий момент подсознание просто заблокировало все остальные голоса: они слишком опасны для Икса. Подсознание может это сделать, поскольку Икс так привык полагаться на него (еще бы, оно надежно защищает его биологически!), что теперь, даже имея сильное желание, ничего поделать не может. Контакт с Богом для него в этом отношении закрыт. Первая причина подобного положения вещей — постоянная ложь и умолчания самому себе. Разобраться во внутренних голосах и услышать самый тихий, но и самый чистый и важный, может только тот, кто привык слушать их в себе честно, не заглушая и не искажая неприятных ему. А излюбленный прием подсознания — сказать громко о мелком недостатке и тихо — о крупном. Авось сознание не услышит...

Совесть

На разных этапах духовного развития совесть играет различную роль. Если человек живет, не зная, что это такое, считая себя (объективно) очень хорошим или не задумываясь вообще на подобные темы, то всякое проявление совести у него следует приветствовать; ибо это значит, что его спящая душа во сне шевелится: вдруг да проснется?

На следующей ступени духовного развития совесть звучит в человеке регулярно. Он считает это в порядке вещей и рассматривает мучения совести как искупление грехов. При этом он ошибается вдвойне. Во-первых, никакое искупление «греха» невозможно, он навеки остается пятном в истории мира. А во-вторых, его интерпретация уколов совести неправильна. Они показывают человеку, что его сущность не успевает в своем развитии за расширением сознания сердца, и значит, менять ее надо так, чтобы аналогичные поступки в дальнейшем стали просто невозможны. Для этого необходимо смотреть на себя своим чистым сознанием (как бы со стороны), которое никогда не осуждает и не хвалит, не обвиняет и не оправдывает, но пытается просто воспринять, понять. А

всевозможные терзания себя производятся не высшим, а низшим «я» с целью извлечения максимального удовольствия из имеющейся ситуации, которая называется «унижение паче гордости» и есть не что иное, как одна из форм гордыни эго. («Сколь же я хорош и сознателен, если сам себя порицаю и мучаю!») Кроме того, в сознании мучения совести как бы заменяют необходимую работу над собой.

Таким образом, следует отличать уколы совести от последующих мучений совести. Уколы информативны, мучения же направлены на эго и являются разновидностями самолюбования.

На следующем уровне человек осознает, что жить надо так, чтобы совесть тебя не мучила. Это осознание ведет к тому, что он начинает больше включаться в окружающие его ситуации, предвидеть последствия своих поступков и, действительно, совесть в обычном понимании тревожит его мало (хотя он и не приглушает ее голоса!). Она трансформируется в эстетическое чувство, которое начинает включать моральный аспект. Его расширившееся сознание сердца начинает лично воспринимать несовершенство человеческих отношений и человеческой природы; так иногда зрителю бывает стыдно на концерте плохой самодеятельности.

Далее, по мере того, как контроль за центром принятия решений переходит от низшего «я» к высшему, и сознание сердца, расширяясь, охватывает весь мир, совесть как ограничитель проявлений свободы воли постепенно исчезает.

Ответственность и долг

Ответственность за свои поступки есть первичное ощущение человека, данное ему Богом вместе со свободой воли и эстетическим чувством. В зависимости от уровня сознания, ответственность перед Богом может интерпретироваться как ответственность перед близкими, группой, этносом, человечеством, природой, планетой, собой (то есть своим высшим «я») или Богом. Чем выше духовный уровень человека, тем выше его чувство ответственности, но человек никогда не в силах снять ее с себя; Понтий Пилат напрасно умывал руки.

Трагическая ситуация возникает в том случае, когда человек растет (или оказывается) среди духовно более низкого окружения. В этом случае ответственность, объективно лежащая на нем, существенно выше, чем на окружающих. Он это чувствует, но не понимает, в чем дело. Почему-то жизнь его все время бьет, окружающие к нему явно несправедливы и все время требуют от него больше, чем от остальных. Он старательно и, казалось бы, безупречно выполняет свой долг, то есть жесткую систему обязанностей, сформированных обществом и рассчитанных на соответствующий духовный уровень, но, тем не менее, не может вписаться в окружающую его реальность. Возникает конфликт.

Другой, внутренний, вариант конфликта, возникает в том случае, когда человек подменяет внутреннюю ответственность за свою жизнь внешним (то есть разработанным обществом) долгом, но, чувствуя его недостаточность для себя, усугубляет его в крайней степени. Тогда человек выбивается из сил, выполняя то, чего он (по своей карме) делать не должен, то есть то, что он уже изжил, духовно стоит на месте, портит себе карму и, не понимая в чем дело, приходит в отчаяние (см. главу 5, «Искушение семейной жизни»). А дело все в том, что на низком (относительно общества) духовном уровне человек может руководствоваться внешним долгом: он более или менее соответствует внутреннему. Но по мере духовного роста внутренний долг меняется и начинает расходиться с внешним. Это чрезвычайно смущает человека долга, которому кажется, что в нем говорит эгоизм. Однако на соответствующем духовном уровне голос высшего «я» намного сильнее, чем голос эго: если вы его не слушаетесь, вы будете гораздо несчастнее, чем если не удовлетворите желания эго. Человеку внешнего долга наиболее трудны, таким образом, ситуации, когда высшее и низшее «я» вместе противоречат его пониманию долга. Он скорее согласится страдать (с сильным элементом мазохизма), но поступит в соответствии со своим ложно понятым долгом.

С повышением духовного уровня долг как некоторая жесткая система обязанностей постепенно исчезает; остается (и возрастает) лишь общая ответственность за поведение в каждой конкретной ситуации.

Честь, гордость и чувство собственного достоинства

Эти чувства возникают в моменты соответствующего расширения сознания человека: честь — когда сознание сердца включает соответствующую группу (честь офицера), гордость и собственное достоинство — в момент осознания себя (у ребенка приблизительно в три года). По мере дальнейшего духовного роста они начинают играть отрицательную роль, ограничивая сознание.

Здесь автору хочется особо подчеркнуть, что от духовного учителя не может исходить чувство собственного достоинства: это бы означало, что его сознание не расширилось по сравнению с трехлетним возрастом.

Пока что речь шла об истинных чувствах. Распространены, однако, и ложные чувства чести, гордости и собственного достоинства. Они возникают тогда, когда соответствующее расширение сознания сердца заменяется расширением ментального сознания, при этом со стороны эго возникает чувство ложной собственности: таковы квасной патриотизм, гипертрофированное чувство ответственности матери за ребенка и т. п.

Обманы подсознания

Это тема для толстой книги. Система искажения реальности и самооценки строится обществом и личностью долго и тщательно. Преодолеть ее чисто ментальными усилиями невозможно в принципе. Бог с этой целью посылает человеку страдания, которые его очищают в том смысле, что дают возможность (но никогда не заставляют!) увидеть мир и себя в более адекватном свете. Подсознание же преследует свои, биологические и защитные цели, однако хитрость при этом проявляет такую, которая самому человеку и не снилась. Борьба с подсознанием горизонтальными методами (то есть без привлечения высшего «я», чистого сознания, Бога) бесполезно, от этого возникают только внутренние конфликты, не ведущие ни к чему, кроме мазохистской радости эго. К числу

основных трюков, применяемых подсознанием, относятся следующие.

Маскировка. Подсознание делает вид, что его вовсе даже нет, а все решения человек принимает сам, то есть сознательно. Однако любой человек совершает массу необъяснимых (с этой точки зрения) поступков, которые порой его сильно смущают.

Вытеснение. В случае возникновения внутреннего конфликта, что является симптомом болезни души, подсознание склонно конфликт вытеснить, убрав его из сознания. (Этим феноменом много занимался З. Фрейд.) При этом, однако, болезнь не проходит, а продолжается невидимо для сознания, со стандартными симптомами: «необъяснимые» плохие настроения, тоска, хандра, злобность, неадекватные реакции и т. д.

Ложное акцентирование. Если человек склонен прислушиваться к внутренним голосам, то подсознание может включить один из них на полную громкость, заглушив им все остальные. Тогда у окружающих возникает ощущение, что он постоянно переигрывает: то слишком осторожен, то слишком совестлив, то слишком следует своему долгу и т. д., и все неискренне, в эгоистических целях.

Подтасовка. Для того, чтобы не допустить в сознание невыносимое для него истинное положение вещей, но не в силах скрыть конфликт, подсознание заменяет истинную причину конфликта подставной, уже выносимой для сознания. Так, человек, имеющий постоянные конфликты в семье, часто склонен искать их причины в недостатках своего поведения, вспыльчивости характера, безволии, несдержанности, в то время как на самом деле причины конфликтов лежат в его эгоизме, то есть в суженном сознании сердца, и никакая горизонтальная работа над характером ему не поможет.

Передергивание. Часто подсознание идет на прямой обман; но иногда, при случае, дает человеку возможность себя проверить, приняв, разумеется, меры безопасности. Тогда случается такой, например, вариант.

«А все-таки я смогу начать новую жизнь,» — восклицает человек в момент подъема. «Ничего не выйдет, точно тебе говорю, — отвечает

подсознание, — но если не веришь, можешь проверить. Попробуй! Я даже тебе скажу, что ты должен делать: подъем в полседьмого, холодный душ, зарядка, пробежка, а вечером вместо телевизора читай Ницше...»

На следующее утро наш герой, не в силах встать на час раньше, чем обычно, плюет и на остальную программу. Нехитрый прием подсознания заключается в том, чтобы поставить перед горе-энтузиастом такую задачу, которую он заведомо выполнить не может. Если из указанной программы исключить пробежку и холодный душ, она вполне может стать выполнимой. Однако обман в данном случае удался, и после нескольких подобных случаев человек надолго «машет на себя рукой», сочтя, что он действительно ни на что не способен.

Голос Бога

Как же научиться слышать в себе голос Бога? Прежде всего сама такая возможность появляется только вместе с духовным ростом, спонтанно. Но если человек хочет его услышать, то один из самых эффективных (и трудных одновременно) путей это развитие внутренней честности, для чего необходимо обращать свое внимание именно на те уголки души, куда смотреть «необъяснимо» не хочется или очень страшно. Не хочется и страшно именно потому, что свет чистого сознания рассеивает тьму сердечного невежества и теснит эгоистические интересы низшего «я», которые *ничего* не могут противопоставить свету, будучи сами тьмой. Темнота не может сражаться со светом — если свет есть, ее нет. Таким образом, нежелание и страх суть аффекты, которыми подсознание пытается управлять нашим вниманием; в действительности же бояться просто *нечего*.

Никогда не следует слушать голоса 1 и 4 (см. выше «Попытка разобраться».) Они лгут. Голоса 2 и 3 тоже лгут, но в меньшей степени. Следует помнить, что страдание лучше, чем ложь, которая сильно отягощает карму. Позиция «Я не могу об этом думать, потому что, когда я об этом думаю, я все время плачу» соответствует сознательному сужению сознания сердца и духовному падению.

И только приучив себя к внутренней честности (или обнаружив, что она пришла сама по себе), можно рассчитывать на то, что Вы услышите *неэмоциональный* голос, который с полной определенностью и уверенностью и в то же время без признака угрозы скажет Вам, что есть ваш долг перед самим собой, что Вы должны делать и к чему стремиться.

Степень определенности главной внутренней цели человека прямо связана с его духовным уровнем. *Свет на пути* появляется, когда значительная часть пути уже пройдена; до того лишь иногда светлеют сумерки и вспыхивают далекие зарницы.

Глава 5

Образ жизни

По мере духовного роста у человека меняется и образ жизни. Однако эта глава выделена из основного текста совершенно условно (как, впрочем, и все остальные главы), по личной просьбе Читателя.

Мировосприятие

По мере духовного роста у человека расширяется сознание сердца. Рост ментального сознания, вообще говоря, не связан с духовным ростом, однако большие ножницы между ментальным и сердечным сознанием для человека болезненны. Когда человек знает, но не любит, его знания не духовны. Поэтому ограниченный человек не просто ограничен (сознанием сердца), он испытывает сильное раздражение, когда умом видит, что у кого-то другого иная, сильно отличающаяся, чуждая и непонятная ему система ценностей: его сердце не понимает и не принимает того, что видит его ум, и возражает. Тогда человек старается либо начисто игнорировать неприятный для него факт, либо его извратить: исключает непонятного ему другого из сферы своих контактов или считает, что тот просто лицемерит, а *на самом деле* такой же, как и все (то есть я!).

По мере дальнейшего духовного роста описанное выше явление осознается. Тогда человек начинает, напротив, испытывать инстинктивное уважение к людям, которые постигли сердцем то, о чем у него имеется лишь поверхностное ментальное представление. В этот момент открывается путь ученичества.

В сознание сердца входят те объекты, которые человек любит и одновременно *не* воспринимает как собственность, видя в них Бога, но вместе с тем испытывает за них высшую ответственность, ощущая с ними кармическую связь. При этом любовь следует отличать от влюбленности: мать, которая с самого рождения ребенка не видит в нем самостоятельного существа и воспринимает его как

собственность, не видит его сознанием сердца и не ощущает перед ним высшей ответственности. Ее чувство к нему есть влюбленность, а не любовь.

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ

На определенном духовном уровне эмоциональное отношение к объекту необходимо человеку для того, чтобы включить его в сферу своего внимания. Чтобы заниматься делом, такой человек должен испытывать сильный энтузиазм. Однако с ростом трудности задач и возрастанием концентрации внимания необходимая эмоциональность начинает падать. Сильные эмоции заменяются более спокойными, но и более глубокими чувствами. Влюбленность сменяется любовью.

Однако неэмоциональность не есть равнодушие. Наоборот, с ростом духовного уровня возрастает внимание ко всем объектам сферы сознания сердца.

Человек нуждается не в бурных эмоциях, которые служат исключительно радости низших программ его эго, а во внимании.

Любовь

Бхакти-йога считает все виды любви проявлением (на различных уровнях) любви к Богу. Но, независимо от вероисповедания и уровня философской подготовки, все философы, отцы церкви, святые и просто моралисты едины в одном: любить *надо* и притом бескорыстно — близких, вообще людей, родину, человечество, Бога, наконец. И в этом несомненная, а может быть, и высшая добродетель. В людях, исповедующих эту точку зрения, есть какая-то удивительная способность игнорировать существеннейшую черту реальности, а именно: «сердцу не прикажешь». Жена, которая с упреком говорит мужу: «Ты меня больше не любишь», занимает позицию страуса. Уж если кто и виноват в том, что тебя разлюбил муж, то скорее всего ты сама, и уж наверное не он.

А что делать человеку, который любит только себя и свое, то, чем обладает и от чего получает удовольствие (то есть любит всегда

«корыстно»)? Он даже понимает, что это вроде бы нехорошо, что надо любить бескорыстно, но вот не умеет, и все тут.

Автор здесь заметит только, что корысть нельзя понимать как чисто материальную, а если включить в нее любые наслаждения, то и любовь матери к ребенку, сопровождающаяся водопадом удовольствий, и тем более любовь бхакта к своему Ишваре, которая есть сплошное блаженство и экстаз, глубоко корыстны.

* * *

Следует честно признать, что сама постановка вопроса ложна. Любовь не является долгом человека ни перед кем. Любовь (различного рода) и сопутствующее ей ощущение счастья есть знак на пути человека. Именно потому так редко встречается настоящая любовь к человечеству и Богу: для этого нужно подняться до такого уровня, чтобы ощутить человечество и, соответственно, весь мир как часть себя, включив их в сознание сердца. Не любовь как таковая является целью человека, но постижение сердцем мира. Любовь же к той части мира, которую мы включили в свое сердце, приходит сама собой, это откровение. Его следует зафиксировать в своем сознании как знак, подтверждающий правильность пути, и *идти дальше*, а не заниматься любовью, как рекомендуют специалисты (см. выше); это последнее, хотя и приятно, но никуда не ведет (точнее говоря, ведет назад).

Изложенная точка зрения хорошо согласуется с указанием бхакти-йоги не привязываться к предмету любви. Если не обращать эмоционального внимания на любовь к объекту, возникающую на данном этапе духовного пути, то она сама собой проходит, когда этап пройден, не оставляя травмы, и заботиться о «непривязывании» не приходится, что очень важно, так как для искреннего человека специальные усилия по «непривязыванию» противоестественны.

Теперь о «корысти». Любовь дается нам не просто как знак, но и как помощь для преодоления трудностей на пути, и это и есть единственная дозволенная «корысть». Так, при обучении иностранному языку в группе погружения очень помогает (на время обучения) влюбленность в преподавателя. Интересно, что такая любовь после окончания курса быстро проходит, не оставляя душевной боли. Аналогичным методом пользовался Фрейд при

лечении неврозом: сначала угнетенное либидо пациента переключается на врача (то есть пациент влюбляется в него), а затем освобождается.

А все попытки использовать душевный подъем для иных целей, скажем, для удовольствия, приводят к падению духовного уровня, примеров чему можно не приводить. Эксплуатация любви в эгоистических целях — лейтмотив душевной жизни современного общества.

При попытке использовать любовь в эгоистических целях, она превращается во влюбленность. Последняя отличается от любви, во-первых, направлением внимания: в случае влюбленности оно направлено на себя, а при любви — на объект, а во-вторых, тем, что влюбленность — это эмоция, а любовь — нет. Любовь — это свет, озаряющий для нас объект и все чувства к нему. Любовь возможна только к Богу и, соответственно, возникает только тогда, когда мы видим Бога в объекте.

Теперь обсудим, как изложенное выше преломляется на уровне обыденного сознания. Рассмотрим одно распространенное явление, заключающееся в том, что если некто Икс любит некого Игрека, то все, исключая, возможно, самого Игрека, считают, что из одного этого факта любви уже следует, что Икс имеет перед Игреком значительные заслуги, и Игрек ему обязан (особенно остро эта ситуация проявляется, если Икс — родитель Игрека). Что же, однако, является причиной подобного мнения? Может быть, Икс никогда не причиняет Игреку зла? Очень даже часто. Может быть, Икс делает Игреку много добра? Вообще необязательно. Может быть, Икс никогда не испытывает к Игреку нехороших чувств (зависти, злобы, раздражения...)? Испытывает регулярно. (Поучительный пример — отношения Гумберта и Лолиты в романе В. Набокова). В чем же заключается любовь? А в том, что Икс без Игрека «жить не может», то есть в его отсутствие быстро впадает в тоску, а в его присутствии, наоборот, испытывает иногда минуты счастья (если Игрек не ведет себя совсем уж отвратно). Указанная ситуация отягчается тем, что Икс воспринимает Игрека как собственность и часто норовит «наложить лапу» на его свободу, считая (часто подсознательно), что лучше знает, «что нужно» Игреку.

После всего этого, обязан ли Игрек чем-нибудь Иксу? Описанная ситуация явно относится к области психопатологии. Что типично для подобных случаев? Все попытки как-то разрешить эту трудную для Икса ситуацию путем непосредственных разъяснений наталкиваются на каменную стену. Икс отвечает: «Но я же Игрека люблю!!!».

Переходя к анализу ситуации, заметим, она обусловлена тем, что Икс искренне считает: раз уж Бог дал ему (на фоне в целом не радующей его жизни) такое светлое чувство, как любовь к Игреку, то уж грех не попользоваться и не выжать из этой любви все, что возможно. За такое грубое нарушение закона природы (описанного выше) Игрек расплачивается очень жестоко, его карма сильно тяжелеет. Если Игрек — ребенок Икса, то в полтора года он будет с ревом вырываться из непрошенных объятий, в семь лет хамить, а в восемнадцать уйдет навсегда, если не физически, то эмоционально и духовно, и Икс до конца жизни будет обнимать и целовать холодный труп.

С другой стороны, Икс совершает еще одну грубую ошибку, считая, что его любовь к Игреку служит достаточным основанием для интимности с ним и тем более для ограничения его свободы воли. Здесь дело заключается в том, что когда кармы двух людей на некотором отрезке времени соединяются и между ними возникает любовь (любого рода: родителя и ребенка, учителя и ученика, супругов, чувство товарищества и т. п.), то одновременно возникает и мистическое чувство единства, которое также является знаком на пути и призвано облегчить трудности его прохождения. Пока у двух людей есть это ощущение единства, они могут принимать некоторые решения друг за друга, ограничивая тем самым чужую свободу воли, в тех рамках, которые позволяет их чувство единства. Однако, как только общий участок духовного пути пройден, чувство единства исчезает, а любовь вслед за ним. Если же пытаться нарушить этот закон, стараясь реанимировать любовь для сохранения сопутствующих ей удовольствий, то она начинает агонизировать, а от единства уже простыл и след... Вот и получается в чистом виде насилие над чужой (во всех смыслах) свободой, что есть грубая попытка нарушить закон кармы; а в результате завязывается сильный кармический узел.

* * *

Зажжем же свечи. Полно
говорить,
что нужно чей-то сумрак
озарить.

Никто из нас другим не
властелин,
хотя поползновения
зловещи.

Не мне тебя, красавица,
обнять,
и не тебе в слезах меня
пенять;

поскольку заливает
стеарин

не мысли о вещах, а сами
вещи.

И. Бродский

В заключение несколько слов о различных видах любви.

О любви-эросе и любви-жалости. Фетишизацию любви-эроса мы наблюдаем повсеместно и ее печальные последствия общеизвестны. К фетишизации любви-жалости отношение более терпимое; это одна из любимых тем Достоевского. Бердяев справедливо замечает, что любовь-жалость это взгляд духовно высоко стоящего вниз, на более духовно низко стоящих. Однако фетишизация этой любви, то есть сосредоточение на ней эмоционального внимания в равной мере приводит к тяжелым последствиям. Каждый врач знает, что больных нужно жалеть очень умеренно, что в действительности им нужно *внимание* и *понимание*, а не жалость. Функции жалости те же, что и любой другой формы любви: облегчить человеку трудности духовного пути. Специфика жалости в том, что она направлена на существо, которому надо помочь пройти участок духовного пути, и помочь должен именно тот, кому послана жалость. Опасность же фетишизации любви-жалости заключается в том, что чувство *единства* с объектом жалости, появляющееся первым, очень легко переходит в чувство обособления от этого объекта,

сопровождающееся обычно гордыней («вот я, духовно высокий, спускаюсь до него, духовно низкого, и веду вверх»). Опасность последнего рассуждения в том, что при обособлении невозможна духовная работа. Кроме того, если духовная помощь совершается правильно, то от нее растёт больше тот, кто помогает.

Теперь о любви эгоистической и альтруистической. Здесь сама постановка вопроса ложна, так как в конечном счете самый большой альтруист все равно заботится об удовлетворении *своего* чувства долга, рационального или мистического. Все дело в том, что если на любви сосредоточивать эмоциональное внимание, она сразу становится эгоистической, то есть направленной на удовольствия эго и перестает служить, так сказать, смазочной жидкостью суставов нашего духа, идущего вверх по своему нелегкому пути.

Сила воли

Здесь речь пойдет о силе воли в бытовом смысле этих слов, то есть о способности выполнять принятые сознанием решения.

Причины духовного развития человека и мира лежат глубоко в трансцендентном. Это основной закон Вселенной, определенный безличным Абсолютом, относительно которого не следует задаваться вопросами, предполагающими его антропоморфную природу (например, *почему* именно таковы законы Бытия). Нет, однако, сомнений в том, что импульсы духовного роста в человеке первичны, то есть не обязаны своим существованием никаким более глубоким причинам. Веданта говорит, что Дух, заключенный в человеке, стремится освободиться от сковывающих его оболочек и соединиться с Мировым Духом, то есть Абсолютом. Это и есть духовный путь. Основным орудием индивидуального Духа является человеческая воля.

Людям, обладающим так называемой сильной волей, принято завидовать, их ставят в пример. Однако воистину даром Божиим является не сильная воля, а трудолюбие. Трудолюбие есть качество человека, заключающееся в том, что он может систематически трудиться, *не* прилагая при этом особых усилий воли. У трудолюбивых людей энтузиазм приходит вместе с работой, и

удовлетворения от нее вполне достаточно, чтобы оправдать соответствующие усилия. Такие качества даются упорным трудом в течение многих воплощений. Сложность выработки трудолюбия заключается в том, что оно появляется в результате систематического труда, а именно это и невозможно для нетрудолюбивого человека. Возникает порочный круг, непреодолимый на горизонтальном уровне.

Но все же главная проблема людей, жалующихся на недостаток силы воли (чтобы заставить себя трудиться) или трудолюбия заключается в том, что им не хватает *внутренней скромности*.

Импульс духовного роста является исходным для любой деятельности человека; правда, он может сильно исказиться под влиянием среды и подсознания. А судьба всех ложных импульсов деятельности именно такова: человек воспламеняется и быстро остывает, внутренний импульс желания истощается, и никакая, даже самая сильная воля не в состоянии противостоять возникающим трудностям. *Хочется* (и не всегда корыстно!) очень многого: глаза-то завидующие, а руки загребущие! Однако по плечу человеку только те дела, которые соответствуют его духовному уровню. И неудача означает не недостаточную силу воли, а несоответствие замысла духовному уровню. *Хочется* (очень!) видеть Бога, общаться с ним, ну хотя бы верить в Него. Сколько страдания в словах героя Достоевского: «Я верую... я буду верить!». Но, увы! Он еще не достиг соответствующего духовного уровня, и никакие социальные преобразования ему, похоже, не помогут. Аналогична ситуация с преждевременным аскетизмом (см. ниже).

Воля, однако, необходима для духовного развития. Она нужна для того, чтобы все же делать что-то в промежутках от одного духовного импульса до другого. А что именно делать — об этом, на самом деле, весь настоящий трактат.

Волю не следует путать с концентрацией. Есть люди, которым сконцентрировать внимание в достаточной степени для того, чтобы проделать некоторую работу, очень трудно. Им следует развивать не волю, а концентрацию — это путь раджа-йоги.

Аскетизм

Согласно Веданте, целью духовного развития человека является постепенный уход из видимого мира майи (иллюзии), обретение свободы от причинно-следственного закона кармы и слияние с Абсолютом. Уход от майи включает последовательный отказ от материальных, эмоциональных и ментальных связей с этим миром. Однако ослабление этих связей является не целью, а признаком духовного роста и должно происходить само по себе, при минимальном участии воли. Что же получается, если человек преждевременно пытается освободиться от пут собственности или перестает есть мясо? Его вожделения из области материальной тут же переходят в область ментальную, что несколько не лучше, а часто хуже, так как все внимание и мечты человека теперь поглощает, скажем, жареная индейка. К значительно худшим последствиям приводит преждевременная попытка освободиться от эмоциональных привязанностей, она приводит к сужению сознания сердца. Типичный пример — это человек зрелого возраста, в юности обжегшийся на неудачной любви и с тех пор оберегающий свое эго, подавляя в зародыше любые эмоциональные привязанности. В обоих рассмотренных случаях человек не достигает цели освобождения от майи: первый по-прежнему привязан к любимой птице, а второй — к ненаглядному эго (которое, в отличие от высшего «я», целиком относится к майе). И никакая воля этим людям не поможет (ср. рассказ Л. Толстого «Отец Сергей»). Труднее же всего отказаться от любимого привычного образа мыслей, то есть ментальной собственности. Если современному физику продемонстрировать телекинез, он, скорее всего, скажет, что это гипноз, в который, впрочем, он тоже не верит.

Путь аскетизма иной. Человек, постепенно изменяя направление внимания, теряет интерес к материальным благам и начинает ценить радость творчества, а не обладания. Далее, он постепенно постигает поверхностность эмоциональных радостей и горестей и сосредотачивает свое внимание на духовном труде; при этом он испытывает более глубокие чувства, чем обычные поверхностные эмоции (для таких глубоких чувств характерно то, что они не требуют немедленного выражения, воплощения). Наконец, человек постигает

грубость ментальных представлений (моделей) и учится воспринимать мир непосредственно (это путь тантры; см. главу 6).

Отказ от желаний идет по пути постепенного изживания дурных привычек. Следует отличать потребности человека, то есть то, что ему необходимо на данном духовном уровне, от капризов и того, что человек желает по привычке. Преодоление дурных (то есть оставшихся со времен низшего духовного уровня) привычек есть необходимая духовная работа, которая требует известной методичности, но не сильного напряжения воли (в любой данный момент). Если вы насилуете себя, то делаете либо не то, либо не так. Подсознание не прощает насилия никому, и менее всех своему хозяину.

Уход из мира совсем не обязательно осуществлять физически. Человек может принимать активное внешнее участие в текущей вокруг жизни: работе, развлечениях, разговорах, оставаясь внутренне не подключенным эмоционально. Это состояние не тождественно эгоизму: эгоист обязательно время от времени включается эмоционально или ментально, чтобы подкормить внешними ощущениями и мыслями свое эго, а уж потом действительно выключается и сосредотачивается на себе. Рассматриваемый скрытый аскетизм противоположен эгоизму, так как в этом случае основное направление внимания идет постоянно вовне; человек, осознает он это или нет, все время *работает*. Это связано с тем, что воспринимая любую ситуацию, в которую он попадает, значительно лучше (поскольку он постоянно настроен на нее, а не на себя), он тем самым имеет возможность включаться в нее гораздо более адекватным образом, то есть увеличивает ее гармонию. Наблюдателю покажется, что этот человек обладает таинственным магнетизмом: хотя ничего особенного не говорит и не делает, все же люди тянутся к нему и в его обществе проявляются с лучшей стороны, меняется атмосфера ситуации. В зависимости от обстоятельств человек может просидеть весь вечер молча, или время от времени что-то произносить, или весь вечер проговорить, но в любом случае окружающим будет казаться, что он очень естественен и все делает ровно так, как надо.

По-настоящему естественным может быть только актер. Если в этом месте Читатель скажет, что автор одобряет двуличие, то он ошибается. Автор, вместе с С. Е. Лецом одобряет *бесконечноличие*, но только в том случае, когда оно бескорыстно.

Уход от мира не означает, что человек перестает испытывать наслаждения (в частности, физического плана). Напротив, по мере духовного роста, наслаждения, выпадающие на его долю, сильно возрастают. Для человека, испытавшего творческий и тем более религиозный экстаз, меркнут все «земные» радости. Но эти наслаждения интересуют его не сами по себе, а лишь как знак того, что он на верном пути.

«Все, что делается истинно, делается легко».

Труд

Путь карма-йоги обязателен для всех. На каком бы духовном уровне человек ни находился, он должен трудиться, не думая о наслаждении результатами своего труда. Но индивидуальная дхарма (мораль) предписывает отнюдь не любой труд. Каждый человек, находясь в определенном месте Вселенной и на определенном духовном уровне, имеет свои кармические обязанности, которые сообщаются ему внутренним голосом (если он способен услышать этот внутренний голос) и *никем другим*. Однако наказание за невыполнение своих кармических обязанностей, выражающееся в отягощении кармы, не зависит от того, слушает человек соответствующий внутренний голос или нет. Незнание закона не является смягчающим обстоятельством.

Духовный рост человека происходит тогда (и только тогда!), когда он наполняет свои действия духовным содержанием. В зависимости от духовного уровня эти слова имеют разное значение.

Минимальное требование духовности труда заключается в том, что труд происходит с полной концентрацией на процессе труда и внутренним уважением к нему, каким бы бессмысленным он ни казался с какой-то внешней точки зрения. Так относится к своим действиям двухлетний ребенок. На более высоком духовном уровне человек осознает, что любую ситуацию, раз уж ее создал Господь,

следует проработать с максимальной тщательностью: Он всегда имеет что-то в виду.

По мере духовного роста и расширения сознания человек начинает видеть необходимость членения своей и чужой жизни на поступки и осознания их высшего (духовного) смысла. Мораль начинает выступать не как горизонтальное средство регулирования жизни общества, а как проявление Божественного промысла, и в этот момент человек осознает свой внутренний (кармический) долг как основной. Постепенно он осознает, что *каждый* момент его жизни есть труд, в который он может вкладывать духовное содержание. Это означает, что каждое слово, каждый взгляд и жест происходят у него так, как будто Бог в этот момент пристально наблюдает за ним лично. И на самом деле так оно и есть.

Искушение семейной жизни

Наша героиня — Икс, мать двоих детей, служащая, замужем, 45 лет. Всю жизнь работает и дома и на работе, везде все в полном порядке, дети учатся хорошо (старшая в институте), ухоженные. Все хозяйство на ней, вечером падает с ног, но в целом держится. С мужем и детьми отношения хорошие, но контакт не очень. В глубине души всегда пасмурно, постоянно ожидает каких-то неприятностей; ощущение, что по жизни не идет, а как-то пролетает. Раньше чего-то ждала, теперь перестала. О грядущей старости и болезнях старается не думать. Спит плохо.

Психолог скажет: не реализовала себя. В юности были разные способности, но никакие не были развиты, отсюда внутренняя неудовлетворенность и невроз. Показан аутотренинг и молодой любовник.

Психолог прав, но он лечит не болезнь, а симптомы. Причины невроза глубже. Многочисленными способностями Икс была обязана своему определенному духовному уровню (в конечном счете, работе в прежних воплощениях). Выйдя замуж и считая своим долгом, «чтобы все было в порядке», взяла на себя весь дом (после пары неудачных попыток приспособить мужа к хозяйству и воспитанию детей). Нагрузка заняла все ее время и силы, в кино бывала один раз

в год, книги — что полегче — в транспорте. Общение с подругами свелось до минимума, хотя раньше люди шли с проблемами. С годами обнаружила, что многие прошлые знакомые отошли, некоторые сами по себе, некоторые почему-то обижаясь на ее самоочевидную занятость. Сначала что-то внутри скребло, потом привыкла.

Здесь мы видим, наряду с напряженным трудом, постоянное нарушение дхармы, личной морали, то есть неэтичное поведение. Муж был выбран не из соображений совместной духовной работы (глубинное ощущение «это — Он»), а по любви, точнее, влюбленности, (обычный поверхностный эмоциональный подъем). Дальше, в процессе построения семьи, то есть фрагмента реальности, Икс направляла свои усилия скорее на внешний вид этого фрагмента, чем на его внутреннюю гармонию. По ее дхарме ей следовало в первую очередь наладить духовную жизнь в семье, а уж какая там духовность, когда члены семьи спокойно (и как должное) воспринимают ее как домработницу и кормильца одновременно. Отсюда — их духовная деградация и взаимное отчуждение.

Этого мало. Икс по своей дхарме вообще не имела права замкнуться на своей семье. Отсюда — ее духовная деградация, уход подруг, сокращение общения, невроз. Как это ни странно с обыденной точки зрения, для духовного роста семьи часто важнее *внешняя* по отношению к семье деятельность Икс, чем внутренняя. Икс — духовный лидер, на ее поведение и излучение ориентируются прочие члены семьи.

В настоящий момент помочь Икс очень трудно. По-настоящему, она должна осознать и ощутить, что всю жизнь вела себя не только неправильно, но аморально. Ее духовный уровень упал, уровень внутренней честности понизился, и признать это ей будет нелегко, ни самой, ни с чужой помощью.

Вот несколько конкретных нарушений ее дхармы. Встретив (возможно) в юности своего настоящего Суженого, она не обратила внимания на то, сколь они подходят друг другу духовно, но сочла, что испытывает к нему недостаточные чувства. Или, не встретив его, не стала дожидаться, опасаясь к 22 годам решительно стать старой девой. Разругавшись в очередной раз с мужем по поводу своего

нежелания разогревать ему ужин, стала делать это независимо от усталости, превозмогая свое отвращение к нему и утешаясь мазохистскими чувствами. Вместо того, чтобы научить сына чистить картошку, предпочла делать это сама.

Первая ошибка Икс, то есть выбор мужа по любви в традиционном смысле этого слова, в значительной мере обусловлена общественным мнением и ложной установкой в семье ее родителей. Сигнал о неправильности выбора прозвучал очень скоро, но Икс постаралась закрыть на него глаза, хотя ее депрессии в этот момент были гораздо глубже эмоционального подъема любви. Все остальные (из перечисленных) ошибки заключались в том, что Икс шла по пути наименьшего сопротивления. Дхарма предписывает выполнять самую трудную из тех работ, на которые человек способен. Икс могла отчасти перевоспитать мужа, в частности, приучить его помогать ей; это было бы ей очень трудно, но муж поднялся бы духовно, и она также. Вместо этого она пошла у него на поводу, заменив духовную работу физической. Сигнал о ее неэтичном поведении в виде внезапно возникшего отвращения к мужу и к себе был Икс подавлен, хотя и не без труда. Далее, вместо того, чтобы, исполняя свой прямой долг перед детьми, приучать их к труду, она предпочла вместо этой трудной во всех отношениях деятельности самой выполнять их работу, совершая при этом двойное преступление: лишая их возможности расти духовно и приучая их к безделью на фоне изнуряющей себя работой матери. Здесь сигналы были вполне определенными: сначала дети требовали участия работе, потом категорически от нее отказались, у них испортился характер, а мать они перестали сначала любить, а потом уважать. Ей, впрочем, повезло: формальные отношения с детьми пока сохранились, ввиду их материальной зависимости.

Итак, Икс воспринимала сигналы неблагополучия, но не реагировала на них, поскольку ее вводил в заблуждение механизм искажения реальности, созданный ее подсознанием в течение ее долгой неправильной жизни. Разные внутренние голоса говорили ей разные вещи, но все это было не то, камуфляж подсознания. А тот единственный голос, который мог ей сказать правду, она не слышала, его заглушали потоки лжи. Этот голос, от которого лишь иногда

доходило какое-то странное неудобство, заставлявшее Икс особенно тщательно мыть посуду, говорил ей, в сущности, очень простые вещи: «Ты — лентяйка! Брось всю деятельность, которой занята, и помни только о душах, тебе вверенных: твоей собственной, детей, мужа и всех остальных, что попросят помощи...»

Как можно охарактеризовать жизнь Икс в целом? Она была фактически лишена творчества. Первоначально ее способности свидетельствовали об определенном духовном уровне, который по дхарме предполагает постоянный соответствующий уровень творческой активности, как бы ни сложилась судьба Икс. Соответственно, оказавшись в положении, когда главным ее делом оказалось построение семьи, она должна была относиться к этому творчески, к чему оказалась не готова. И в результате — духовная деградация и невроз, а кроме того, сильное отягощение кармы в целом. Невроз — только начало тех неприятностей, которые ожидают Икс в этой жизни и некоторых следующих.

Благодетяния и благодарность

Это один из моментов, где высокая мудрость и мораль, требующие постоянного созидания добра, как будто противоречат житейской мудрости, гласящей, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Последнее утверждение отнюдь не следует отмечать как холодный цинизм, в нем есть определенный смысл.

Прежде всего следует обсудить, что значит делать добро людям. Традиционное операциональное определение звучит так: зло для другого это то, чего бы ты не хотел для себя, а добро — то, что понравилось бы и тебе. Подобная установка имеет два существенных недостатка: во-первых, она предполагает, что все люди одинаковы, и следовательно можно судить о других по себе, а во-вторых, она также предполагает, что добро человеку приятно, а зло неприятно. Оба эти предположения явно сомнительны.

Веданта учит: морально для человека то, что ведет к его духовному росту. Так же можно трактовать и добро для него. Существенным здесь является то, что вышесказанное —

единственный критерий добра для человека, и только с этой точки зрения следует рассматривать все действия, на него направленные.

Типичный пример — материальные благодеяния. Если крайние случаи (дать ли кусок хлеба голодающему страннику и задаривать ли игрушками избалованного ребенка) обычно разногласия не вызывают, то в промежутке между ними господствующая точка зрения сильно смещена в сторону, противоположную аскетизму. Принята точка зрения, что кушать «хорошо» — хорошо, и можно к этому стремиться — и для себя и, в особенности, для детей. И хорошая, «обеспеченная» жизнь, включающая удовлетворение разнообразных потребностей вроде как является заслуженным вознаграждением за напряженный труд на благо общества.

Подобная концепция противоречит основному принципу карма-йоги: непривязанности к результатам своего труда. Как пишет Вивекананда, мы имеем право на труд, но не на плоды своего труда. Мы должны думать о труде, а результаты сами о себе позаботятся. При этом под плодами труда понимаются не только и не столько материальные блага, которыми благодарное общество осыпает честного труженика, а его радость и удовлетворение в момент окончания работы. Даже на эти «законные» удовольствия трудящийся не должен обращать эмоционального внимания. Они лишь знаки того, что труд происходит правильно, то есть ведет к духовному росту.

К каким последствиям приводит фетишизация материального вознаграждения за труд, общеизвестно. Более тонким искушением является фетишизация удовольствия второго типа. Она приводит сначала к истерическим попыткам резкого увеличения деятельности (за счет уменьшения концентрации), а затем депрессии, сопровождающейся ощущением типа «Всякая деятельность бессмысленна, так как людям ничего не нужно или они сами не знают, чего хотят, а удовлетворения от любой работы все равно надолго не хватает», и остается только чувство внутренней опустошенности.

Теперь о материальных благах. Они являются благодеянием для человека только тогда, когда ведут к его духовному росту или устраняют препятствия к нему. В большинстве же случаев материальные блага этой роли не выполняют, но ведут к фиксации

внимания на определенных удовольствиях, то есть препятствуют духовному росту. И в полном соответствии с этим «благодетельствованный» не испытывает к «благодетелю» никакой благодарности и платит ему «злом за добро», а на самом деле злом за зло. Какова же должна быть благодарность и что такое истинное добро кому-то? Вот пример чистых отношений учителя и ученика.

Учитель в течение некоторого промежутка времени учит ученика, испытывая к нему любовь, но никогда не выражая прямо этого чувства. Ученик испытывает сходное чувство и употребляет душевный подъем на преодоление трудностей обучения, никак не выражая своих чувств к учителю. Закончив курс обучения, ученик уходит, никак не выразив своей благодарности учителю. Полученные учеником во время обучения знания и умения сами по себе уже должны быть учителю достаточной благодарностью, если тот вообще склонен мыслить в этих терминах.

Именно в этом причина того, что часто великие ученые не создают научных школ, несмотря на значительные усилия. Везде правит не научный и даже не моральный, а духовный закон. А занятия наукой, равно как и старания стать хорошим человеком, содействуют духовному росту только в определенные периоды жизни, после которых бывает необходимо пересмотреть свои конкретные цели.

Таким образом, направление духовного роста в течение жизни человека меняется, и к этому очень трудно привыкнуть. Вопрос о выборе этого направления также труден, и его решение сопровождается постоянными схватками со своей низшей природой (Вивекананда). Благодетель же автоматически берет на себя часть выбора человека, оказывая на него, хотя бы и косвенно, определенное давление. И горе благодетелю, если направление давления не соответствует карме благодетельствуемого! Закон кармы, хотя и не является личным, то есть не мстит в смысле оскорбленного антропоморфного Бога, но действие его не замедлит сказаться на благодетеле. И ненависть со стороны человека, в чью судьбу мы вмешались недостаточно мудро и осторожно, будет еще наименьшей расплатой за наши поступки, хотя бы они и совершались с чистым (но глупым!) сердцем.

С другой стороны, не меньшая Харибда ожидает «равнодушного» человека, то есть такого, который, ощущая, что его судьба соединилась на какое-то время с другими людьми, пытается игнорировать это обстоятельство, обособляясь от них (иногда, в крайних случаях, от всего мира). Здесь автор хочет заметить, что сравнение жизненного пути с лезвием бритвы имеет один недостаток: лезвие бритвы, хотя и узкое, но *прямое*.

Вот типичный пример. Некто Икс чувствует, что по ситуации он должен помочь некому Игреку. Икс, повинувшись своему чувству, помогает Игреку, после чего их жизненные пути расходятся, причем Игрек испытывает смутное чувство неудобства от того, что не смог оказать какую-нибудь ответную услугу Иксу. Правильно ли чувство Игрека? Игрек получил энергетический импульс и теперь должен им распорядиться, использовав его для повышения духовного уровня или для удовольствия эго, и чувство неудобства связано именно с этим моментом выбора. Классическая мораль рекомендует Игреку сделать добро кому-нибудь еще; но это необязательно; можно направить энергию, полученную от Икса, например, на преодоление собственного несовершенства. Рассмотрим, однако, Икса. Обязан ли ему Игрек? Безусловно нет. Если Икс действовал бескорыстно, то есть не имея в виду удовольствия эго, то энергия, которую он потратил, автоматически восполняется из Космоса. Если Икс начинает хотя бы размышлять о том, что Игрек ему обязан (не говоря уже о том, чтобы требовать благодарности), то энергия начинает быстро из него вытекать (вот во что обходятся рассуждения о неблагодарности вскормленной на своей груди «змеи»). Поэтому лучше всего (эмоционально) забыть о содеянном, тем более, что он был поставлен судьбой перед довольно жестким выбором: если бы он *не* оказал Игреку необходимой услуги, он утяжелил бы свою карму. Интуитивно последнее обстоятельство ощущается почти всеми людьми, чем и объясняются такие непонятные с точки зрения эволюционной теории Дарвина явления как альтруизм, мирные демократизации политических режимов и т. п.

Общение

Проблема общения в значительно большей степени занимает психологов, чем моралистов и философов, а напрасно. Здесь трудности лежат в гораздо более глубоко спрятанных вещах, чем обычно думают. Рассмотрим пример: Зет, молодой человек, скованный в общении, неуверенный в себе; когда ему предлагают «расковаться», начинает хамить, чувствует неодобрение окружающих и «заковывается» обратно, втайне мечтая отправиться в геологическую экспедицию, где не действуют правила поведения в обществе. Разумеется, он сильно ошибается, так как в подобных изолированных малых коллективах действуют неписанные законы поведения, гораздо более жесткие, чем в обычной жизни. Однако не меньше ошибаются те, кто рекомендует Зету вести себя более естественно, непринужденно, раскованно, говорить комплименты женщинам, быть обаятельным и т. п. Об обаянии, комплиментах и прочих общепринятых средствах черной магии автор, может быть, напишет в другой раз, а здесь скажет несколько слов о «естественности».

Естественность и непринужденность манер есть следствие не соответствующей психологической установки, а внутреннего ощущения того, что человек хорошо вписывается в окружающий его кусок действительности, адекватно его воспринимает и в какой-то мере контролирует. Для этого Зету необходимо произвести большую внутреннюю работу. Конечно, он является микрокосмом, имеет бессмертную, всемогущую и вездесущую душу, содержит в себе весь мир и даже, быть может, в какой-то мере все это чувствует. Но сковывающие его душу оболочки спадают только после длинного и трудного духовного пути; а для начала Зет должен научиться воспринимать окружающий мир до такой степени, что сможет предвидеть ближайшее будущее и оценивать последствия своих возможных поступков, а также чувствовать, в какой момент следует совершить то или иное действие. Именно на эти проблемы следует ему направить свое внимание, а уж ощущения (истинные и внутренние) уверенности в себе, естественности и непринужденности манер придут сами по себе.

Рассмотрим теперь более подробно проблему общения. Здесь автор понимает под общением только такие взаимодействия между

людьми, которые сопровождаются объединением биополя. В соответствии с тремя слоями ауры — жизненное, эмоциональное и ментальное поля — можно разделить общение на три основных вида: общение на уровне жизненных полей, эмоциональное и ментальное.

Пример общения первого типа — мать и грудной младенец, пожилые супруги, которые начинают физически неуютно себя чувствовать при длительной разлуке; при встрече это ощущение проходит. Сексуальная дисгармония часто связана с несовместимостью жизненных полей. Сюда же относится необъяснимое чувство симпатии или антипатии к человеку, которого вы только что увидели.

Общение на эмоциональном уровне — наиболее распространенный вид общения. Для него существенно согласование эмоций и несуществен образ мыслей. Типичный пример — систематические скандалы между супругами; часто это единственный способ общения между ними, совершенно удовлетворяющий обоим. Если в подобной семье некоторое время нет повода для конфликта, то в обоих супругах зреет «необъяснимое» раздражение, причиной которого является энергетический дефицит, возникающий в результате недостаточного общения (во время общения поля объединяются и происходит усиленный приток энергии из Космоса). Наконец, накопившееся раздражение находит (ничтожный или нет) повод для выхода и разражается очередной скандал. Удовлетворение после скандала сопровождается чувством брезгливости, которое связано с тем, что полученная энергия «грязная», но все же на ней можно существовать дальше. Следует отметить, что общение влюбленных осуществляется, как правило, на жизненном уровне (эмоции, сопровождающие влюбленность, обычно сильны, но эмоциональное *общение*, то есть соединение эмоциональных полей, в этом случае не типично).

Ментальное общение отнюдь не сводится к передаче информации, его следует отличать от так называемых споров. Спор это вид диалога, в котором каждый из собеседников стремится опровергнуть точку зрения оппонента и доказать свою. При этом собственно общения, то есть соединения полей, как правило, не

происходит. Вообще спор как таковой есть занятие бесплодное. Доказывать правильность той или иной точки зрения или модели бессмысленно (см. следующую главу), поскольку любой взгляд на мир в чем-то справедлив, а в чем-то ограничен. В противоположность спору, ментальное общение имеет целью не доказательство чего-либо (обычная подсознательная цель спорщика — доказать, что оппонент дурак), а *постижение*, причем цели участников должны быть согласованы. Характерный тип ментального общения — обучение, когда учитель пытается донести до ученика свой способ видения некоторого объекта. Другой тип ментального общения — совместная медитация, размышление о некотором предмете. И в том и в другом случае ментальные поля объединяются, и участники получают значительный приток ментально окрашенной энергии, им в голову интенсивно начинают приходить мысли по данному предмету и возникает чувство единства. У учителя появляется телепатическое чувство, чего именно не понимает ученик и что нужно ему сказать, чтобы он понял. Ученик неожиданно для себя начинает понимать вещи, ранее казавшиеся ему недоступными. Интенсивное ментальное обучение может привести к объединению эмоциональных и даже жизненных полей (и наоборот), хотя это и необязательно. Общение одновременно на нескольких уровнях затруднительно, так как рассеивается внимание. Например, человеку, сосредоточенному на своем жизненном поле (скажем, выздоравливающему после тяжелой болезни), не рекомендуется волноваться и думать, то есть возбуждать эмоциональные и ментальные поля. Однако следует учиться концентрации, так как глубокое общение неизбежно затрагивает все слои ауры.

Следует отметить, что любой из описанных видов общения требует умения сосредоточиться на *внешнем* объекте; именно степень этой концентрации в значительной мере определяется качество общения (и, конечно, исходной степенью согласованности полей). Поэтому общение так трудно для подростков, сосредоточенных в основном на себе и не умеющих еще в достаточной степени концентрироваться на другом, а главное — не понимающих, что это необходимо. (Впрочем, понимание здесь, как всегда, приходит после интуитивного ощущения.)

Духовное общение есть совместная медитация о трансцендентном.

Объединение полей в процессе любого общения доставляет сильные эмоциональные ощущения (удовольствие, душевный подъем), и требуется большое усилие для того, чтобы от них отвлечься и сосредоточиться на теме общения. Напротив, концентрация на удовольствиях общения ведет к сосредоточению внимания на себе, контакт прерывается, интенсивное совместное поле, обеспечивающее связь с Космосом, исчезает, и общение фактически прерывается. Таким образом, удовольствие человеческого общения является не роскошью (вопреки мнению А. Де Сент-Экзюпери), а *признаком правильности* этого общения. Душевный и эмоциональный подъем, возникающий при общении, следует направлять на преодоление трудностей духовного развития, иначе получается обычный энергетический вампиризм.

В заключение следует сказать, что способность к общению возникает и развивается в человеке сама собой в процессе духовного роста. Сняв различного рода личностные зажимы, можно повысить способность данного человека к общению до некоторого уровня, который определяется его настоящим духовным уровнем. Дальнейшие попытки совершенствования в собственно общении чаще всего ведут к злоупотреблениям. На определенном духовном уровне человек осознает, что общение оправдано только тогда, когда имеет (быть может, скрытые от собеседников) духовные цели; в противном случае оно отягощает им карму.

Глава 6

Познание

Стремление к познанию является фундаментальной духовной чертой человека. Истина, пишет Бердяев, есть путь и жизнь. Стремление к познанию есть стремление постичь Бога как единство мира, преодолеть трагическое разделение между Ним и человеком. Противоположным к познанию стремлением является любопытство. Любопытство — это склонность к выделению частей из целого без последующего их включения обратно (синтеза). Любопытство само по себе увеличивает Хаос. Именно поэтому на определенном этапе вызывает раздражение непомерное увеличение предметной области наук, попытка формального анализа стихотворных текстов и т. п. деятельности, уменьшающая (на данном этапе) единство картины мира.

Предварительные замечания

Естественнонаучные европейские представления XVIII—XIX вв. чрезвычайно повредили искусству познания. Возникла и стала господствовать идея о том, что знание есть набор истинных сведений, познание есть процесс отделения истины от заблуждения (то есть разделения всех утверждений на истинные и ложные), обучение — это передача подобной формализованной информации от учителя к ученику. Эта идея соответствует определенному уровню общественного сознания, однако с его ростом она сменяется несколько другой.

Знание есть, в первую очередь, мироощущение, *способ интерпретации* видимых явлений действительности. Цель познания не в том, чтобы установить законы Бытия, а в том, чтобы научиться правильно *воспринимать* Бытие (и Бога), и формальные модели суть лишь возможное (но не единственное, см. ниже) средство этого.

Знание фрагмента реальности есть не только и не столько знание законов (то есть построение формальной модели), сколько приведение своего восприятия данного фрагмента в такое состояние, что мы можем отвечать на любые вопросы, касающиеся данного фрагмента, — это, так сказать, операциональное определение (отсюда, кстати, требование обозримости модели; бессмысленно строить модель, которая не в состоянии давать ответы на конкретные вопросы). Это значит, что после того, как задан вопрос, у нас (сам по себе, спонтанно) появляется в голове ответ на него, или ощущение того, что вопрос трудный, вместе с указанием направления, в котором его следует решать.

Тот факт, что бессмысленно говорить об истинности или ложности формальной модели, стал уже общим местом. Модель есть способ видения мира и как таковая является, естественно, неполной и искаженной, то есть не истинной; но и не ложной, так как мир все-таки отражает. Соответственно, учить (то есть передавать опыт познания) следует не фактам, а способам совершенствования восприятия, в частности, что касается науки, способам построения формальных моделей и, главное, последующему изучению преломления в них мира. Познание, в частности, формальная модель, меняет наше мировосприятие и мироощущение в целом, делает мир для нас более гармоничным и связным.

Поэтому ценность каждой идеи различна для различных людей и эпох. Хорошо известен феномен появления идеи в момент, когда общественное сознание не готово к ее восприятию. Тогда она благополучно забывается и изобретается вновь позднее, когда уже успешно включается в общественное сознание. Подобная судьба идеи обусловлена тем, что в момент первого появления она, будучи «правильной», «истинной» с точки зрения позднейшего общественного сознания (делая его мировосприятие более гармоничным), не вписывается в мироощущение более ранней эпохи, уменьшает его цельность и потому отвергается.

В наше время фетишизация науки привела к тому, что многие традиционно неформальные виды познания (литературоведение, история) пытаются, хотя бы внешне, формализоваться и

приспособиться к моделированию. Это, может быть, в чем-то и полезно, но в целом тенденция скорее противоположна.

Древние греки не просто так определили отвечать за историю специальную музу — Клио. Включение истории в мировосприятие, попытка понять, а главное — *ощутить* смысл истории, является для человека одной из важнейших духовных задач. (Бердяев пишет, что в смысле истории скрыт смысл мира.) Здесь терпят жестокий крах любые попытки формализации (и, возможно, по принципиальным причинам: не исключено, что субстанция слишком тонкая, так что мысль в данном случае инструмент слишком грубый для получения удовлетворительной точности.) Однако энтузиазм, с которым многие люди (и часто непрофессионалы) тратят время на долгое и трудное изучение огромного фактического материала с ничтожным последующим выходом ментальной продукции показывает, что фактически преследуется иная цель: чужие эпохи и народы начинают, по выражению Л. Гумилева, гореть в сердце историка. Это и есть признак истинного познания. И порой случаются удивительные вещи: так, в исторических романах Ю. Тынянова некоторые факты биографии героев, *придуманные* автором, соответствовали действительности.

Научное познание

Новорожденный воспринимает мир целиком. Как утверждают психологи, его мозг и органы чувств с трудом выделяют отдельные предметы и звуки; этому он постепенно учится в первые несколько лет жизни. Первые его понятия предельно абстрактны: «ба» в полтора года означает не только данного домашнего кота Барсика, но и любого вообще кота, а также любое животное, хоть в чем-то смахивающее на кота (енот, лиса), и еще многое другое, о чем можно только догадываться. Затем начинают складываться представления об отношениях в мире, то есть о связях объектов. Каждое отношение есть неудавшаяся попытка описать единство мира. Ввести формальную систему понятий, описывающих мир, и систему связей между этими понятиями, описывающую единство мира, и есть задача науки. Таким образом, отличие ученого от ребенка заключается в

степени подробности видения, формализации и богатства системы отношений (связей) между понятиями.

На первых порах знакомства с наукой человеку кажется, что наука может все, то есть описать мир и его единство. По мере занятий выясняется, что детализировка мира столь высока, что частные законы подозрительно множатся в числе, не склеиваясь в (содержательные) общие. Формализация мира идет, но формализация его единства страдает. Постепенно формируется представление о том, что наука дает не истинную картину мира, а набор моделей, то есть по-разному искаженных способов видения. Эти модели суть не что иное, как метафоры в философии и притчи в религии. По существу, это признание в отсутствии необходимого языка для описания мира. То, что формальный язык, то есть язык математики, плохо подходит для описания мира, интуитивно ощущается многими; однако на то есть указания и внутри самой математики, а именно, невозможность аккуратного построения ее основ. (Противоречия теории множеств в сочетании с теоремой Геделя.) Истинная причина невозможности научного моделирования мира в целом заключается в том, что введение связей не компенсирует вычленения объектов из мира. Объекты, хотя и связанные друг с другом, все же отличаются друг от друга (с этого начинается теория множеств), они индивидуальны, в то время как для истинного постижения мира следует сделать (на другом уровне) шаг в обратную сторону, к восприятию младенца, и увидеть, что все — одно, то есть увидеть во всем Бога. Это, однако, относится уже к мистическому познанию.

Из ограниченности научного познания не вытекает его бессмысленности для духовной жизни. В настоящее время путь науки распространен и для многих единственно возможен. В этом случае его следует пройти (может быть, не за одно воплощение) и *ощутить* недостаточность науки до того, как отбросить этот путь и перейти к иным путям познания. Человек не может сойти со своего пути познания ментальным, волевым усилием, это обернется лицемерием, которое характерно для многих современных интеллигентов, не изживших научный путь познания и пытающихся обратиться в христианскую или иную веру после определенного количества

личных неудач и разочарования в своих способностях к большой науке, а не вследствие глубокого духовного импульса.

Философское познание

Философия есть попытка описать устройство мира негодными средствами. Основное средство языка философии это метафора, то есть признание собственного бессилия объяснить как следует, прямо. «Страус — это такой гусь», — объясняет мать любознательному ребенку. И сообразительное дитя как-то понимает это чудовищное объяснение и даже иногда распознает потом означенного страуса.

Аргументация философии не менее ужасна. Когда философ начинает собственно рассуждать, то есть употреблять связки «но если..., то», «и поскольку..., тогда», «и значит» и т. п., то возникает ощущение элементарного жульничества. Логика философа хуже женской, она *произвольна*, другими словами, ее просто нет. Гораздо честнее сказать прямо: данный текст является результатом откровения, о чем и заявляют Бердяев и многие мистики.

Но тогда возникает естественный вопрос: а почему, собственно, мы должны автору данного откровения верить? Может, это бред сумасшедшего? Перед тем, как отвечать на этот вопрос, обсудим сначала проблему истины и ее представимости текстом.

Мир непознаваем для человеческого ума. Это связано не с тем, что человеческий ум слаб, а с тем, что он слишком силен, груб, материален. Ум производит факторизацию, то есть огрубляет, смазывает детали. Но он может делать это *по-разному*, в зависимости от того, с какой стороны мы смотрим на мир. Истина есть не факт, но взгляд на мир, то есть некоторое направление внимания ума на объект. Направив свое внимание на некоторый объект с точки зрения данной истины, мы получаем огрубленный слепок объекта. Поэтому бессмысленно говорить о ложности какой-либо теории, концепции и т. п.: все они производят огрубление объекта, но каждая — свое.

Познание данной истины есть настройка сознания в соответствующем направлении. Критерием познания служит

способность человека выдавать тексты откровений (то есть спонтанное возникновение у него мыслей) по поводу любого вопроса относительно объекта, освещаемого данной истиной. Следует подчеркнуть, что одна и та же истина у разных людей дает разные слепки объекта, хотя, возможно, похожие.

Набор слепков объекта с точки зрения разных истин представляет собой картину мира в сознании человека. Чем более эти слепки согласованы друг с другом, тем более цельной она является. Каждая новая истина дает новый слепок и тем самым как-то изменяет цельность картины мира. Человеку неприятно, когда некоторая новая истина уменьшает цельность его картины мира, так как стремление к постижению его единства есть фундаментальнейшее духовное стремление. Поэтому он склонен отвергать такую истину, объявляя ее ложной, то есть игнорируя соответствующий слепок. Однако, накопив в подсознании целую систему таких игнорируемых истин, он может в некоторый момент просветления включить их все в свою сознательную картину мира, которая при этом увеличит свою цельность. Но дожидаться, пока это произойдет спонтанно, можно очень долго, и на определенном уровне сознания человек старается держать ум открытым, не игнорируя никакие концепции. Ответ на некоторый вопрос может дать медитация на самой нелепой теории.

Истина выражается в форме текста. Текст является результатом медитации автора в направлении некоторой истины. Сам по себе текст смысла не имеет. Его *понимание* есть медитация читателя на данном тексте под некоторым углом зрения. В зависимости от угла зрения, то есть направления внимания читателя, результат медитации будет различным. В наш век объективации тексты читают «объективно», то есть стараясь абстрагироваться от угла зрения читателя и от личности автора. Однако восприятие идет значительно точнее, если воспринимать не только текст, но и автора, стоящего за ним (так мы читаем письма близких людей).

На низком уровне духовного развития человек может воспринять только одну истину. Рассогласование двух различных истин для него настолько болезненно, что одна из них вытесняется или объявляется категорически ложной (религиозная или научная нетерпимость). На

следующем уровне человек способен воспринять несколько истин, при условии, что он наладит между ними определенное согласование, а на рассогласования закрывает глаза (то есть вытеснит в подсознание; то же относится и к обществу). Однако по мере расширения сознания закрывать глаза на рассогласование истин становится все труднее, так как картина мира уточняется, и наступает предел, так сказать, разрешающей способности ума, а внутренняя честность, возрастающая вместе с духовным уровнем, выводит рассогласование в сознание.

Момент осознания недостаточности ментального познания мира есть важнейший момент духовного пути человека (и общества); обычно он сопровождается глубоким кризисом. Дело в том, что уму, тем более развитому, трудно добровольно признать свое поражение; он слишком долго радовал эго своими достижениями. Поэтому эго должно испытать много горя, пока оно созреет для окончательного отказа от удовольствий, доставляемых умом. Однако путь духовной эволюции именно таков. Мир в его единстве можно познать лишь непосредственно — чувственно (точнее говоря, сверхчувственно, см. ниже).

Таким образом, говорить о правильности или неправильности истины бессмысленно, так как истина есть взгляд на мир, то есть способ его освещения, и в этом смысле она верна, поскольку освещает мир, а не что-нибудь еще, и неверна, поскольку его искажает. Можно, однако, говорить о недостаточности или избыточности истины для человека. Каждая истина, как луч прожектора, имеет определенную степень фокусировки и, следовательно, освещенности объекта. С другой стороны, каждый человек обладает определенной способностью к концентрации внимания на объекте, то есть ему для восприятия объекта нужна вполне определенная степень яркости его освещения. Эти две величины должны совпадать. Иначе, если яркость освещения объекта истиной недостаточна для человека, он говорит, что данная истина для него слишком примитивна; если же яркость освещения объекта истиной превышает возможности его восприятия, его глаза слепит, и он говорит: «Слишком глубоко копаешь».

То, что написано об истине выше, касается относительно высокого уровня абстрактного мышления, когда истина воспринимается как модель действительности, система взглядов и т. п. На более низком уровне мышления истина воспринимается как факт: земля шарообразна. Однако и в этом случае основная нагрузка истины идет не на сам факт, а на способ видения мира. Утверждение «земля шарообразна» по существу означает изотропность пространства, то есть отсутствие выделенного Богом направления (снизу вверх в случае плоской Земли). А это уже именно взгляд на мир, а не только факт.

Философское осмысление квантовой механики и обеих теорий относительности, не говоря о более современной физике, катастрофически задерживается. Философы для этого слишком плохо знают математику, а физикам некогда: они занимаются «содержательными» проблемами.

Эстетическое познание

Ощущение красоты в человеке спонтанно; ему нельзя научить и научиться. Оно приходит одновременно с истинным восприятием объекта, то есть в тот момент, когда мы начинаем ощущать в нем Бога. Параллельно с этим чувством появляется ощущение единства, законченности, связанное с единством мира, который весь воплощается в любом объекте. До тех пор, пока у человека не появилось ощущение красоты и единства объекта, можно быть уверенным, что объект не познан, что человек, в лучшем случае, на подходе к познанию.

Когда человек в своем познании объекта доходит до той стадии, что объект кажется ему прекрасным, у него возникает импульс выразить свое ощущение этой красоты, и он интуитивно (и совершенно справедливо) чувствует, что его восприятие отличается от восприятия всех прочих людей. Обычно именно этот импульс называют творческим, хотя в действительности понятие творчества гораздо шире (см. главу 2). И человек, повинувшись творческому импульсу, творит: пишет стихи, картины, на худой конец письма возлюбленной. Удовлетворение от творчества человек получает

постольку, поскольку в продукте творчества ему удастся выразить специфичность восприятия объекта его чистым сознанием, то есть высшим «я» (а не личностью, то есть низшим «я»). Восприятие чужого творчества идет так же, как и любого объекта: оно кажется тем лучше, чем большую информацию о подлинном бытии в его единстве мы при этом получаем. Существенную помощь в восприятии оказывает настройка на высшее «я» творца (но не информация о его личности!). Так, иногда, если читатель настроен на автора, бездарные в обычном смысле стихи могут оказать сильное эстетическое воздействие. Самобытность творца определяется не своеобразием его высшего «я», которое всегда уникально, а толщиной барьера банальности, воздвигаемого его ленивым эго.

Продукт эстетического творчества (расположенный в тонком мире) играет в эстетическом познании ту же роль, что философская система в философском познании или модель в научном. Он является образом мира под данным углом зрения. Поэтому правильно говорить не о бездарности произведения искусства, а о его недостаточной информативности для данного человека. Понятно, что информативность произведения искусства для субъекта существенно зависит от его способности извлекать информацию; следует помнить, что любой объект содержит информацию обо всем мире.

Так же как и наука, искусство является тупиковой ветвью познания. Как было сказано, трагедия творчества заключается в том, что Бога можно познать, но нельзя выразить. Однако искусство, быть может, в большей степени, чем наука, настраивает человека на непосредственное восприятие мира, что является путем, приводящим к познанию Бога. С другой стороны, момент, когда человек в своей духовной жизни изживает искусство (оно становится для него недостаточным) сопровождается для него глубоким кризисом, метаниями из одной области искусства в другую, каторжным трудом, сумасшедшим домом и т. д. до физической смерти включительно.

Величайшие честность и мужество требуются человеку для того, чтобы осознать, что очередной отрезок пути пройден, и начать сначала.

Мистическое познание

Мистическое познание есть получение информации непосредственно от Бога. Как Читатель мог заметить, мистическое познание является существенной частью всех рассмотренных выше видов познания. Здесь автор проиллюстрирует эту истину на примере познания в самой формализованной и в этом смысле самой простой области знания — в математике.

Все попытки свести математику к совершенно формализованным логическим схемам провалились, и ниже будет ясно, почему. Что значит понять математическую теорию? Студент первого курса знает, что для того, чтобы получить тройку на экзамене, достаточно знать определения и формулировки теорем. Для четверки нужно знать еще идеи доказательств, для пятерки — уметь решать простейшие задачи, связанные со знанием подробностей доказательств. Пока речь идет только о памяти. Студент старших курсов понимает, что одной памяти мало. Для того, чтобы решать чуть более сложные задачи, необходимо вычленив основные типичные искусственные приемы (то есть методы) данной теории и уметь применить их в определенной последовательности, специфической для данной задачи. Аспирант уже должен придумать свой, ранее неизвестный искусственный прием в духе уже имеющихся и применить его к какой-нибудь конкретной задаче. Это и есть содержание кандидатской диссертации. Однако профессор не считает, что молодой кандидат наук «чувствует» теорию. В его понимании знание теории приходит после ее тщательного «продумывания», то есть ментальной медитации, после чего ум приходит в такое состояние, что по поводу любой проблемы в голову спонтанно, сам по себе, приходит именно тот искусственный прием (быть может, ранее неизвестный), с помощью которого решается данный вопрос. При этом профессор, «продумавший» данную теорию, не ошибается практически никогда, хотя идея приходит в голову мгновенно. Ясно, что информация появляется мистическим образом, от Бога.

Однако и чисто мистическое познание так же, как и прочие, ограничено духовным уровнем человека. Не вдаваясь в эту область более подробно, автор заметит: чем более развито эго, тем больший

туман желаний и мыслей создает оно вокруг чистого сознания, которое, собственно, и является субъектом познания, и таким образом не дает ему слиться с объектом и тем самым преодолеть противоположность субъект-объект, что и означает познание мира.

Непосредственно-чувственное познание

Это путь тантра-йоги (см. лекции Б. Раджниша в Пуне, по книге «Только одно — небо»). Наши ощущения обманчивы — это общеизвестно. Однако в процессе познания положиться больше не на что. Наиболее прямолинейный выход из положения — агностицизм. Чуть более внимательный взгляд показывает, что все же какое-то, пусть искаженное, познание, то есть восприятие информации из внешнего мира, постоянно происходит, и наш мозг справляется с искажениями в степени, достаточной для того, чтобы поддерживать существование. Есть ли способ уменьшить искажения? Для того, чтобы это понять, следует разобраться в их причинах.

Основные причины искажения реальности при индивидуальном восприятии суть наши чувства и мысли; в то же время они необходимы для коммуникации с ней. Мысли и чувства играют роль буфера между индивидуальным сознанием и внешним миром. Индивидуальное сознание не способно обработать всю информацию, поступающую к человеку от его органов чувств и подсознания, поэтому она агрегируется и поступает в форме мыслей, ощущений, эмоций, желаний и т. п. Первоначально, когда внимание человека направлено на внешний мир, эти ощущения недостаточно определены. Для того, чтобы в них разобраться, человеку нужно переключить внимание внутрь себя, заблокироваться от внешнего мира и какое-то время обрабатывать информацию, поступившую к нему. Когда этот процесс кончается, человек опять переводит внимание вовне, получает новую порцию информации, она снова переводит внимание внутрь и начинает перерабатывать ее, но теперь через *призму сформированных представлений*. Здесь и возникают искажения.

Люди, живущие чувствами, обычно противопоставляются людям, живущим мыслями. Однако в действительности обе категории живут

в искаженном мире собственных фантазий. Тем и другим реальность нужна как кратковременный импульс информации (чувственной или ментальной) извне, после чего они надолго переключают внимание внутрь себя, погружаясь в свои мысли и ощущения (ментальных и эмоциональных). Если человек умеет это делать, у него идет глубокая ментальная или чувственная медитация со значительным притоком энергии извне; однако его мысли и чувства иллюзорны, они очень слабо связаны с реальностью.

Трудность перехода к более высокому уровню познания, к более точному восприятию мира заключается в необходимости переключения на чистое сознание, что связано с постоянным взглядом на окружающую ситуацию как бы извне.

Мысли и чувства обладают свойством приковывать внимание, после чего оно сразу отвлекается от ситуации и переключается внутрь человека. (Так ему гораздо легче. Если вы слушаете даже очень интересную речь, все равно время от времени вы отвлекаетесь и начинаете ее осмысливать и при этом отдыхаете; иначе возникает перегрузка внимания.) Парадоксальность и трудность положения вещей заключается в том, что для того, чтобы адекватно воспринять ситуацию, необходимо в нее *не включаться*: как только вы включаетесь в ситуацию, ваши мысли и чувства начинают вами управлять, приковывая ваше внимание, и вы тут же переключаетесь на них, то есть внутрь себя, тем самым отключаясь от ситуации. Теперь вы должны снова в нее включаться, что потребует времени для настройки, а ситуация уже давно переменялась: в одну и ту же реку нельзя войти дважды.

Каков же выход? Тантра предлагает постоянно взирать на ситуацию чистым сознанием, как будто вы смотрите фильм, сюжет которого вас совершенно не интересует, но подробный отчет о котором от вас ожидается. Поскольку вы все-таки живой человек, мысли и чувства к вам будут приходить, но вы должны их эмоционально игнорировать, регистрируя, но не привязываясь к ним, то есть пропуская сквозь себя, как будто вы для них прозрачны. Другими словами, мысли и чувства не должны влиять на направление вашего внимания (оно должно быть приковано к ситуации) и на ваши действия, чтобы они, как и направление и

переключение вашего внимания, происходили спонтанно, без обдумывания и прочувствования, и тогда они будут адекватны ситуации.

Разумеется, нельзя действовать спонтанно, если вы не чувствуете ситуации. Тогда необходимо и подумать, и разобраться в своих чувствах. Но чем выше ощущение ситуации, чем меньше человек сосредоточен на своих мыслях и чувствах (радостное состояние для эго), тем точнее («умнее») мысли, приходящие ему в голову, и тем глубже его чувства. Любовь отличается от влюбленности тем, что влюбленность это эмоция, а любовь — нет. Любовь это сияние, освещающее для нас объект и определенным образом преобразующее наше ментальное и эмоциональное отношение к нему. Влюбленность это всегда самовлюбленность. Чем лучше человек умеет включаться в ситуацию, тем больше для него соблазн переключиться на себя, так как при этом он замкнет энергетический информационный поток, идущий сквозь него, на себя и порадует эго сладкой космической энергией. Но ситуация при этом уйдет из его внимания, а с ней и возможность спонтанных действий, а также глубина мыслей и чувств. Вообще глубина мыслей зависит не от времени обдумывания, а от степени включенности в ситуацию.

По мере возрастания умения включаться в ситуацию происходит следующее. Чувства делаются более глубокими и постепенно исчезают, оставляя на своем месте свет истинной любви. Мысли появляются все реже и все более соответствуют ситуации, так что приходится меньше обдумывать свои действия, которым, в свою очередь, все чаще можно разрешать быть спонтанными. Человек начинает ощущать, что его ведут высшие силы.

Дальнейшее продвижение по пути познания ведет к слиянию субъекта со Вселенной.

Глава 7

Бог и человек

По-видимому, понять взаимоотношения человека и Бога есть важнейшая духовная задача человека.

Обязанности

По поводу обязанностей человека к Богу имеются две различные точки зрения. Рамакришна говорит, что следует максимально отвлекаться от желаний своего эго, ощущать в себе Божью волю и действовать в соответствии с ней. Бердяев отвергает это и считает, что человеку есть что сказать Богу, и Бог даже ждет от человека чего-то, что человек проявляет в своем творчестве, которое, хотя и божественно, (то есть продиктовано Богом), но не полностью, и вот этот-то *личный* вклад человека в творчество и нужен Богу.

Противоречат ли друг другу эти концепции? Автор считает, что нет. Будучи в глубине своего существа движим эстетическими критериями, человек как раз этим исполняет Божью волю, и свою личную свободу воли употребляет на то, чтобы в рамках своих эстетических критериев (данных Богом) максимально увеличить гармонию окружающего мира, точнее, той его части, которая уместается в рамках его сознания. В процессе духовного роста уточняются критерии и улучшается мировосприятие, но личная свобода воли при этом увеличивается, а не уменьшается. Свобода воли на низких уровнях развития духа употребляется главным образом для борьбы за существование (животное), затем для выбора между добром и злом (мораль), а дальше для выбора в процессе творчества.

Индивидуальность

Настоящая индивидуальность человека заключается в особенности эстетического взгляда на мир его чистого сознания, то

есть высшего «я». Бог дал человеку частицу Себя, выразив это в способности к выбору, то есть дав ему свободу воли, и в специфической эстетической оценке Бытия, на основе которой и происходит выбор. Следует только отличать эстетический критерий высшего «я», проявляющийся во взгляде «со стороны», от направленной на себя эстетики эго (так женщине трудно признать красивым мужчину, который ей не нравится). Все талантливые люди (в том числе и пишущие сугубо научные работы) имеют свой *стиль*. Иногда стиль связывают только с личностью человека. Это не так, стиль является проявлением и истинного «я», индивидуального чистого сознания. Именно поэтому тексты часто удивляют автора: ему кажется, что писал не он. На самом деле наоборот; писал как раз он, а вот то, что обычно живет, желает, думает, действует — нечто постороннее, вторичное.

Молитва

Любое обращение мысли к Богу есть благо для человека. В зависимости от уровня сознания человеку кажется, что он просит Бога о чем-то (материальном или духовном), выражает ему свою любовь, служит ему, как слуга господину, или сотрудничает с ним почти на равных. Однако на самом деле этой разницы нет, взаимодействие человека с Богом всегда есть сотрудничество; человек и Бог вместе творят историю мира. И молитва всегда может происходить в любой форме; единственным критерием глубины общения является степень духовного просветления.

Заключение

Основным ограничителем духовного роста (каким бы путем человек ни шел) является неправильное представление о возможностях высшего и низшего «я» и неправильное распределение своих усилий. Высшее «я» может все, низшее «я» не может ничего, кроме удовлетворения потребностей эго, то есть самого себя. Низшее «я» всегда эмоционально куда-то стремится, высшее «я» не эмоционально, оно задает общее направление движения и указывает на препятствия; при этом оно никогда не ошибается и не ставит перед человеком задачи, которые он на данном этапе не может выполнить. Низшее «я» по сути занято бегом с препятствиями, оно само себе их ставит, затем с наслаждением преодолевает; это занятие не имеет отношения к духовному росту, хотя по виду похоже на него. Разница состоит в том, что высшее «я» всегда имеет трансцендентные, то есть принципиально недостижимые для воплощенного человека цели (добро миру, постижение мира, соединение с Богом и т. п.), и эти цели *постоянно просвечивают* сквозь те препятствия, которые преодолевает человек на своем духовном пути, и сквозь те локальные цели, что он себе ставит. Как только локальные цели или препятствия (хотя бы и подсознательно) затмевают трансцендентную устремленность, духовный рост прекращается и начинается бег белки-эго в колесе майи.

Москва, 1983—84 гг.

Приложение

Афоризмы по главам

Вступление

Незнание закона не является смягчающим вину обстоятельством.
Если вопрос задан правильно, ответ будет неожиданным.
Символика играет в духовной жизни большую роль, чем кажется.
Для того, чтобы решить проблему, следует встать над ней. А как
быть с Богом?

Преодоление штампов есть необходимая духовная работа.

Глава 1. Единство мира

Единство мира не дает покоя человеку.

Глава 2. Свобода воли и творчество

Откровение всегда истинно. Ошибочной бывает интерпретация.
Мысли и чувства человека ему не принадлежат. Они откуда-то
приходят и куда-то уходят, а им лишь регистрируются. Поэтому их
следует уважать.

Любой выбор имеет духовный смысл.

Не следует думать, что грубые оболочки физического тела,
личности и образа мыслей так уж ограничивают свободу высшего «я».

Высшее «я» всегда абсолютно свободно. То, что субъективно
переживается как несвобода, есть несвобода эго. Поделом вору мука.

Творчество есть совместная медитация человека и Бога.

Произведение искусства возражает против того, чтобы на нем
стояла фамилия автора.

Обучение есть творчество.

Критерий выбора всегда эстетический, хотя бы подсознательно.

Глава 3. Добро и зло

У Бога свои взгляды на добро и зло, и у Него есть на это моральное право: Он видит мир целиком, все знает, все помнит и ни на что не закрывает глаза.

Когда человеку кажется, что он причиняет зло кому-то, в самом деле он вредит только себе.

Причинить зло человеку может только он сам. То же относится и к добру.

Единственный способ причинить себе зло это сузить сознание своего сердца.

Зло возникает при несоответствии духовного уровня сфере сознания сердца.

Глава 4. Голоса

Когда у человека не происходит духовного роста, он умирает. Его страдания могут облегчить только пост или молитва.

Прямой доступ из ментального сознания в сознание сердца всегда заблокирован.

Если сознание смотрит снизу вверх, то в это же самое время подсознание смотрит сверху вниз, и наоборот.

Не суди о том, чего не воспринимаешь лично.

Плохо, когда человек принимает голос эго за голос высшего «я». Однако обратная ошибка куда опаснее.

Когда индивидуальное подсознание человека согласовано с общественным, голос высшего «я» услышать очень трудно.

Глава 5. Образ жизни

Сфера сознания сердца — это то, на что человек может смотреть объективно, не оставаясь при этом равнодушным.

Эмоции и мысли суть реакции эго на внешний мир. Реакция высшего «я» на мир есть *внимание*.

Гармонию в мир несет любовь, а не влюбленность. Не превращать первое во второе есть важнейшая духовная задача человека.

Сила воли подобна силе мускулов. Развитие той и другой имеет одинаковое отношение к духовности.

До аскетизма нужно дорасти.

Для того, чтобы изменить мир, нужно прежде изменить себя.

Прямолинейные люди стремятся изменить мир, гибкие — свое отношение к нему. Мудрец ищет баланса между тем и другим.

Наибольшее искушение для человека представляют его отношения со своими детьми. Здесь эго, впервые выходя за пределы личности, бесчинствует несказанно.

Истинное благодеяние — это когда в ответ не хочется благодарить.

Общение без духовной цели есть скорейшая дорога в ад.

Глава 6. Познание

Восприятие всегда сверхчувственно. Пять органов чувств суть лишь средства настройки внимания.

Критерий истины не практика, а собственная душа.

Логично, чтобы теорией познания занимался человек, который все знает.

В сражениях за истину последняя участия не принимает.

Познать — значит внутренне изменить себя.

Понять — значит включить в себя.

Духовный уровень служит естественным ограничителем в любом виде познания.

Основная функция искусства — помочь человеку увидеть Бога в окружающем его мире.

Всегда смотри на себя со стороны. Тогда увидишь, что эго — плоское.

Надутое эго — плоское тоже.

Входи молча. Если ушел в себя, возвращайся молча.

Воспринимай и сопоставляй, но не оценивай.

Включайся в ситуацию, но находишься при этом *над* ней.

Высшая добродетель есть умение вписаться в ситуацию, точно найдя в ней свое место и ощутив ее как духовную.

Глава 7. Бог и человек

Вера в Бога есть способ интерпретации видимых явлений.

Верить в Бога не нужно. Нужно его ощущать.

У любого человека свои обязанности перед Богом.

Истинная индивидуальность человека заключается в особенностях мировосприятия его высшего «я».

Бог исполняет все наши желания. Следует только иметь в виду, что Он слушает не букву, а дух желания и интерпретирует его со Своей точки зрения.

Бог дает человеку не по вере, а по духовному уровню.

Молитвы, медитации и мантры не влияют на духовный рост человека. В лучшем случае они расширяют ему возможности такового.

Оглавление

Вступление — 2

Актуальность — 2

Стимулы и цели — 3

Философия Веданты — 3

Обзор содержания — 4

Глава 1. Единство мира — 5

Научное познание и единство мира — 5

Чувственное познание и единство мира — 5

Искусство — 6

Глава 2. Свобода воли и творчество — 7

Откровение — 7

Ум и логика — 8

Жизнь как выбор — 9

Природа творчества — 10

Творчество жизни — 11

Обучение — 11

Законы творчества — 12

Объект творчества — 12

Свобода воли — 13

Эстетический критерий — 14

Глава 3. Добро и зло — 16

Теодицея — 16

Воздействие на мир — 17

Сознание и зло — 18

Эволюция взглядов — 18

Глава 4. Голоса — 20

Лень — 20

Попытка разобраться — 21

Совесть — 22

Ответственность и долг — 23

Честь, гордость и чувство собственного достоинства — 24

Обманы подсознания — 24

Голос Бога — 25

Глава 5. Образ жизни — 27

Мировосприятие — 27

Эмоциональность — 27

Любовь — 28

Сила воли — 30

Аскетизм — 31

Труд — 33

Искушение семейной жизни — 33

Благодетельства и благодарность — 35

Общение — 37

Глава 6. Познание — 40

Предварительные замечания — 40

Научное познание — 41

Философское познание — 42

Эстетическое познание — 44

Мистическое познание — 45

Непосредственно-чувственное познание — 45

Глава 7. Бог и человек — 48

Обязанности — 48

Индивидуальность — 48

Молитва — 48

Заключение — 50

Приложение. Афоризмы по главам — 51